

Екатерина Береславцева

НАЧИНАЙ
СО СВОЕГО ДОМА

Повесть

16+

Екатерина Береславцева

Начинай со своего дома

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56276905

SelfPub; 2023

Аннотация

Поменяв место работы и превратившись из тихой сотрудницы музыкальной библиотеки в незаменимого работника редакции журнала, Шурка Ковалёва круто изменила свою жизнь. Мирные, спокойные вечера, проведённые вдвоём с любимой собакой, ушли прочь, жизнь наполнилась приключениями, детективными расследованиями, мистикой и любовью. Но самое главное, в её жизни появился он – Дом, с которым, как оказалось, тесно связана Шуркина судьба... Это первая книга из серии «Арбузов и арбузовцы».

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	21
Глава 5	36
Глава 6	53
Глава 7	61
Глава 8	69
Глава 9	84
Глава 10	90
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Екатерина Береславцева

Начинай со своего дома

*Ничто так не вдохновляет, как отличие
твоей неповторимой жизни от скучной жизни других.*

Я трусиха. Я большая и глупая трусиха. Уже полчаса я смотрю на этот белый лист и никак не могу решиться написать первое слово. Первое слово, с которого начнётся невероятная, самая запутанная история в моей жизни. За спиной нещадно барабанит дождь, а в голове моей пустынно и тихо. Так же тихо, как и в этой комнате с окнами в сад.

Я знаю – он волнуется не меньше. Ведь именно он заставил меня уединиться за этим столом, на время позабыв обо всём. «Я даже приготовлю ужин», – сказал он, а кто я такая, чтобы лишать человека возможности гордиться своим поступком?

Дождь разошёлся не на шутку. В ту ночь тоже шёл дождь, я помню. Он так же монотонно бил по каменному подоконнику и точно так же наполнял моё сердце какой-то скулящей тихой радостью. Я даже помню, какой день тогда был. Я не забыла об этом даже спустя несколько лет. Пятое октября. Самый разгар осени, впервые за многие годы принёсшей мне сочные и сладкие плоды. Именно в тот год я полюбила октябрь...

Наверное, он прав – нужно просто немножко постараться. Подумать. Вспомнить. А дальше всё пойдёт само собой. Это ведь как первое знакомство. Мимолётный взгляд встретившихся судеб, первый шаг навстречу, вкус имени на губах... Вот! С имени, пожалуй, я и начну!

Глава 1

Не знаю, кому первому в голову пришла идея назвать меня мужским именем – родителям, бабуле или кому-то из команды моих многочисленных дорогих родственников. На этот простой, в сущности, вопрос, заданный ещё в сопливом детстве, бабушка почему-то отмалчивалась, тётушки с дядюшками разводили руками, а маму с папой спросить я так и не успела.

Я помню огромное множество Сашек и Саньков, которых я лупила во дворе только за то, что они не девчонки. Это я сейчас понимаю, что они были ни в чём не виноваты, а тогда... Тогда я приползала домой со стёсанными коленками и подбитыми глазами, в синяках, но гордая и несломленная. Смирилась с судьбой я гораздо позже, уже во времена непростого подросткового возраста, и причиной тому была прекрасная десятиклассница Александра, которой я восхищалась необыкновенно! Именно её уверенная подача себя и определила мои дальнейшие взаимоотношения с собственным именем; эта девица, кстати, поспособствовала и тому, что во мне начали проклёвываться и созревать совсем другие комплексы. Саша была длинноногая и стройная, как Захарова в «Криминальном таланте», – кстати, тоже Александра! – а я толстенькая и щекастая, как лягушка. К сожалению, царевны из меня так и не получилось, то ли стрелы волшебные

не долетали, то ли принцы не удосуживались заглядывать в наш провинциальный край, то ли ещё какая-то ерунда... И в конце концов я просто плюнула на свою неказистую внешность и начала всю наслаждаться жизнью. Благо мой лёгкий характер позволял это делать с лихвой.

К тому времени, когда со мной начали происходить сногшибательные события, возраст мой плавно подрулил к отметке 30 и покатил дальше, оставив зарубку на переносице – чтобы не расслаблялась! – и стойкую уверенность в том, что жизнь, вообще-то, только начинается. А как ещё может чувствовать себя человек, имеющий полную невероятных идей голову, не в меру болтливый язык, курносый нос, склонный лезть во все мыслимые и немыслимые дыры, и негибемый оптимизм?

Кроме беззаботного характера, в моём жизненном багаже имелось ещё и музыкальное образование, которое успела дать мне бабуля, служившая в своё время арфисткой в оперном театре. Именно она вдолбила в мою взбалмошную голову, что каждая уважающая себя барышня в жизни должна научиться делать три вещи: изящно танцевать, виртуозно играть на каком-нибудь музыкальном инструменте и ежедневно поражать кулинарными изысками своего избранника. Вальсировать я научилась ещё в детском саду, фортепиано терзала своими пухлыми пальцами ежедневно (кроме воскресенья, которое бабуля милостиво оставила мне для уборки комнаты), а вот кулинарная моя история никак не

складывалась. Нет, готовила я превосходно,стряпню мою обожали все родные со мной во главе, а с мужем не повезло. То ли моя аппетитная фигура не устраивала избирательных мужчин, то ли они не могли разглядеть мои прекрасные глаза за толстыми линзами очков, но факт остаётся фактом. в тридцать лет в моём окружении толкались лишь многочисленные родственники, лохматый пёс Гошка (преданный ценитель хозяйкиных котлет) и подруга Ксения, счастливая обладательница двух отпрысков мужского пола и одного восхитительного мужа Роберта. Именно любимая подружка, год назад вытащив меня из музыкальной библиотеки, где я работала в архиве, устроила к себе в редакцию.

– Шурка, ну какие, на фиг, пыльные полки с твоим характером? – воскликнула она однажды, увидев мои осоловелые глаза после очередного рабочего дня. – Скука же невероятная!

– Не скажи, Сенька, – вытаращила я уставшие глаза на подругу и поморгала быстро-быстро. – Моя работа жутко интересная!

– Надеешься откопать в старых нотах неизвестные произведения Чайковского?

– А хоть бы и так! – неуверенно произнесла я и замолчала.

Честно говоря, мне и самой надоело дышать древней пылью, от которой глаза постоянно слезились и чесались. А что делать? Великим музыкантом я почему-то не стала, моего таланта хватило лишь на то, чтобы аккомпанировать детиш-

кам младшей группы на утренниках, и в библиотеку меня устроила бабуля, воспользовавшись своими старыми связями в музыкальном мире.

– Твоё стремление осчастливить человечество делает тебе честь, конечно, – задумчиво протянула Ксенька, – но мне почему-то кажется, что если человек несчастен сам, то и другим он ничего хорошего дать не сможет. Вот ты счастлива в своей библиотеке, подруга?

Она внимательно посмотрела на меня.

– Ну... – проямлила я после паузы, – не совсем. Но я же все равно больше ничего не умею!

– Как это не умеешь? – удивилась Ксенька.

– Вот так! – пожала я плечами. – Из всех моих достоинств только бойкий язык заслуживает уважения, но кому нужна моя говорливость?

– Нам нужна! – громко провозгласила моя подруга. – Нам в издательство как раз нужны менеджеры по рекламе, и твоя общительность подойдёт как нельзя более кстати!

Глава 2

Вот так я и оказалась в странном, совершенно новом для меня мире хаоса, ночных авралов и горящих рубрик, именуемым издательским домом «Книжная симфония». Да-да, название оказалось созвучным моей тонкой музыкальной душе, впрочем, как и пёстрый женский коллектив, принявший меня с распростёртыми объятиями.

Располагалась сия контора в самом центре нашего города, в живописном местечке с прелестным названием «Чудовский переулок», в старинном двухэтажном особняке с полуразрушенными балкончиками и потрескавшейся лепниной на грязно-сером фасаде. В своё время этот дом принадлежал местной знаменитости, архитектору Льву Ивановичу Лебедеву, который, собственно, и спроектировал своё жильё, и выглядел особняк тогда, понятное дело, совсем иначе. У нас в приёмной висит фотография, сделанная уже в советское время, но ещё до того, как дом стал переходить в цепкие руки арендаторов. Прекрасное белое асимметричное здание с настенными рельефами и полукруглыми козырьками по контуру, стройные резные окна, высокая парадная дверь с ажурными узорами – красота необыкновенная! По обеим сторонам от крыльца когда-то восседали каменные львы, молчаливые стражи дома. К сожалению, на фотографии их уже нет. Мария Семёновна, наша редакторша, сказала, что увезли бе-

долаг то ли в музей, то ли на свалку, и торчат теперь перед дверью два осиротевших постамента, на которых, правда, довольно удобно примоститься во время перекура. Нет, я-то сама не курю, но за компанию выбежать на улицу никогда ещё не отказывалась. Не целый же день трепаться по телефону с клиентами!

Моя новая работа оказалась не пыльная, как раз для меня. С детства обожаю о чем-нибудь потрындеть, но никогда не думала, что моя болтливость может приносить деньги. К тому же у меня оказалась врождённая грамотность, и со временем мне стали доверять ещё и корректуру. Пётр Петрович Зимин, наш шеф, вроде бы остался доволен универсальной сотрудницей, и девчонкам я пришлась ко двору, а уж о том, как мне понравилось в этом уютном домике, и говорить не нужно. Внутри он оказался настолько милым и родным, что уходить после работы не хотелось. Впрочем, дома меня все равно никто не ждал. Нет, Гошка, конечно, тосковал по своей хозяйке, но я знала, что живущая в соседнем подъезде Инка, моя родная тётка по отцу, всегда присмотрит за псом, покормит и выгуляет, а в случае ночной сдачи номера – и к себе возьмёт, на радость моим малолетним племяшам.

Ночные бдения над журналом происходили довольно часто, что, признаюсь честно, не могло меня не радовать. Ведь именно в тёмное время можно было услышать дыхание Дома и его тихое бормотание в ответ на наши осторожные шаги. Впрочем, когда я сказала Ксеньке о том, что Дом следит

за нами, она только покрутила пальцем у виска, назвав меня романтической бурёнкой, и я больше ни с кем не делилась своими мыслями. Права была бабуля, я всё-таки невозможная фантазёрка!

– Ты бы, Санюшка, лучше о будущем подумала, чем предаваться каким-то глупым фантазиям, – сказала бы мне моя практичная бабуля, будь она сейчас рядом, и была бы права.

Наверное, в моём солидном возрасте уже смешно выдумывать небылицы, даже если это чудесные и завораживающие истории про таинственный старый дом! Пора становиться взрослой.

После отрезвляющего разговора с Ксенькой я дала себе слово, что буду браться за ум и больше никогда не позволю себе окунаться с головой в мечты, какими бы красивыми они ни были. Я даже произнесла клятву, стоя перед большим зеркалом в своей спальне, одновременно являющейся столовой и гостиной, и решительно рассматривая пышные формы и глаза блёклого серого цвета за стёклами очков.

– Клянусь, что отныне эту шикарную женщину никто никогда не назовёт глупой коровой! Клянусь, что с этого момента я забуду все свои романтические бредни, возьмусь за ум и стану самой хладнокровной и расчётливой дамой в нашем издательстве!

Глава 3

Именно с таким настроем я и осталась в очередное «ночное», не обращая внимания на зазывное поскрипывание ступенек лестницы и отмахиваясь от таинственных шорохов за дверью нашей комнаты. Я деловая собранная леди, от которой зависит своевременная сдача номера в тираж, ни больше ни меньше! И пусть хоть тысячами голосов дом протрубит прямо мне в уши, моё спокойствие останется таким же незыблемым и нерушимым!

– Саша! Ты слышишь меня?!

– А? – очнулась я.

Только сейчас до меня дошло, что уже какое-то время меня нещадно трясёт за руку Зинаида, наша верстальщица, пока я, стиснув зубы, вела внутренний монолог.

– Прости, Зинуль, задумалась, – я посмотрела на девушку. – Что случилось? Текст не влезает?

– С текстом все в порядке, Саш, но мне срочно нужно домой.

– Как – домой? – удивилась я. – Мы же только начали! Мне ещё вон, – я кивнула на распечатки, – тридцать полос вычитывать! А ты говоришь – домой.

– Говорю! Мамка звонила – у нас трубу прорвало в детской, вода хлещет, как из ведра. Надо срочно аварийку вызывать, а она мальчишек успокоить не может!

У нашей Зинули год назад родились братишки-близнецы, а спустя полгода умер отец от какой-то сложной болезни, оставив троих детей и жену в полнейшей растерянности и тоске. Зина на тот момент училась в одиннадцатом классе. Кое-как окончив школу, она устроилась в наше издательство, поднаторела в вёрстке и теперь была единственной кормилицей своего семейства.

– Ах, трубу! Что ж ты сразу не сказала, конечно, беги! – забеспокоилась я. – Работа работой, но семья важнее! А я пока с корректурой закончу. Слушай, может быть, Тамарку вызвать, раз такое дело?

– Ты что, забыла её ревнивца? Да он же потом всю нашу редакцию с потрохами сожрёт, не подавится. Я думаю, даже перед шефом не остановится...

– Это да, это я не подумав сказала, – согласилась я. – Ладно, сами справимся.

– Конечно, справимся! Я быстро – одна нога там, другая тут.

– Беги, Зинка. И зонт не забудь – слышишь, как разошлось?

– Не забуду, Саш! Спасибо!

– Только входную дверь сама закрой, ага? Лень вставать...

– Ладно.

Зина сгребла с моего стола ключи от офиса, подхватила свой старенький клетчатый зонтик и хлопнула дверью. Я осталась одна во всем доме.

– И прошу меня не отвлекать! – громко произнесла я в пустоту, придвинула к себе чашку с остывшим кофе, взяла в руки карандаш, поправила очки на переносице, поёрзала попой и углубилась в текст.

Люблю я работать под шум дождя!

Спустя какое-то время мои уставшие глаза объявили бойкот. Я взглянула на циферблат настенных часов – конечно, уже полпервого ночи! – вылезла из кресла, сделала несколько прыжков на затёкших ногах, сгребла пустую кружку и поплелась на кухню за свежей порцией бодрящего напитка.

Чтобы дойти до вожделенного чайника, нужно пройти через длинную тёмную галерею, прозванную Марией Семёновой «выходом в свет». Чудной господин Лебедев, проектировавший свой дом, почему-то задумал этот узкий коридор совершенно глухим, без единого просвета в виде двери или окна. Я не знаю, дружили ли раньше стены этого помещения с канделябрами, освещавшими своими парафиновыми палочками дорогу хозяевам, но сейчас здесь не было ни одного светильника, ни даже завалящей одинокой лампочки, свисающей на тонком проводке – ни-че-го! Сколько раз мы пытались провести сюда освещение силами вызванных мастеров – всё без толку! Просто мистика какая-то. Лампочки Ильича выдерживали ровно минуту, а затем начинали шипеть, скворчать, как сало на сковородке, и перегорали. Долше всех продержалась только японская энергосберегающая лампа, купленная в самом дорогом супермаркете по сума-

шедшей цене. Её презрительной усмешки хватило минуты на три, за которые мы, кстати, смогли рассмотреть тонкую лепнину вдоль потолка – и зачем, спрашивается, она в таком месте, если всё равно никто её не видит? – и потрясающе красивые обои, которые вспыхнули золотом и погасли вместе с перегоревшей восточной штучкой.

– Мда, – крикнул Пётр Петрович, стоявший в тот момент рядом со мной, и невольно уцепился за моё плечо.

Я усмехнулась, благо ничего уже видно не было. Наш шеф панически боится темноты, усердно скрывает это от всех своих сотрудников, но все, как водится, об этом прекрасно знают.

– Не судьба! – философски произнесла Мария Семёновна и, подхватив Зими́на под руку, вывела его на свет.

И вот через эту галерею мне и предстояло сейчас пройти. Я внутренне напряглась. Одно дело ходить здесь, когда дом кишит людьми, и совсем другое – совершать это в час ночи, будучи одной во всём пространстве.

– Я ни капельки не боюсь! – громко сказала я и решительно распахнула дверь. Темнота, стоящая с той стороны двери, с любопытством посмотрела на меня. Я прямо кожей ощутила это любопытство, по которой тут же забегали холодные мураши. Поправив очки, сползшие на кончик носа, я глубоко вздохнула и шагнула вперёд.

– Раз, два, три, четыре, пять, вышел зайчик погулять! – вдохновенно и очень громко начала декламировать я, пока

продвигалась, с силой сжав в руке свою чашку, по длинному раструбу. – Вдруг охотник выбегает, прямо в зайчика стреляет...

Я дошла уже до середины галереи. Очень хотелось победить, но я сдерживала себя изо всех сил.

– Пиф-паф, ой-ой-ой... – продолжала я, как вдруг почувствовала на своей шее стылое дуновение ветерка.

Я непроизвольно дёрнулась в сторону, воткнулась во что-то плечом, потом головой, завалилась на бок, ощутив жгучее прикосновение чего-то холодного и острого на щеке, и, уже падая, закончила:

– Умирает зайчик мой...

Очнулась я, видимо, не сразу. Сначала я почувствовала ноющую боль в ладони.

«Чашку разбила», – услужливо подсказала мне моя память.

Я открыла глаза и обалдела. Совершенно невероятным образом я оказалась сидящей на кухонном стуле с целёхонькой чашкой в одной руке и с какой-то блестящей штучкой в другой, живая и невредимая. Мои очки валялись на столе со сломанной дужкой. Я поморгала, надеясь избавиться от наваждения. Наваждение такой попытки мне не предоставило.

– Ёксель моксель! – хрипло вырвалось у меня, и я поднесла неизвестный мне предмет к глазам. Это оказалась тонкая ажурная цепочка с маленьким кулоном в виде спящего льва. – Где я это взяла?!

Снизу неожиданно раздался звук хлопающей входной двери – Зинка пришла.

Я вздрогнула и поспешно затолкала непонятную вещьцу в карман юбки. Автоматически отмечая, как верстальщица бойко топает по лестнице, я прислушивалась к своим внутренним ощущениям. Вроде бы ничего не болит. Провела рукой по щеке – чистая кожа без единой ссадины. Странно.

– Саш, ты чего такая бледная? – удивлённо спросила Зина, показываясь в проёме кухни. – Случилось что-то?

– Э-э-э... – промычала я. – Нет, Зинуль, все в порядке. Как ваша труба?

– Была наша – стала ваша. Сантехник заменил... А с подвалом просто беда – прикинь, все овощи наши позатопило. Мамка расстроилась, жуть!

– Да, жалко... Одно только успокаивает – что соседей под вами нет, да?

– Это точно. Всё-таки свой дом – это счастье!

– Да, это вам не однушка в хрущёвке... – вяло произнесла я, думая сейчас уж никак не о своей квартирке.

– Я ведь не очень долго, Саш? Мы за полчаса управились.

– За полчаса, говоришь? – переспросила я задумчиво. – Это хорошо...

А сама лихорадочно стала прикидывать, сколько же времени я была в отключке? Если учесть, что Зинке до дома минут двадцать, не меньше, плюс обратная дорога, плюс полчаса на ремонт, получается час десять, как минимум. Ничего

себе! Это значит, что я была без сознания не меньше тридцати минут? Но странно даже не это, а то, как, будучи в бессознательном состоянии, я добралась до кухни? Я озадаченно посмотрела на Зину.

– Саш, всё-таки у тебя что-то стряслось! А ну, колись!

– Тебе показалось, Зинуль, – я с некоторым трудом встала, старательно сдерживая лёгкое головокружение, – просто в сон клонит. Пойдём работать.

– Идём, – улыбнулась она и с силой трянула мокрым зонтом, обрызгав всё вокруг. – Что за ночь такая сегодня, просто всемирный потоп!

Я подхватила со стола сломанные очки, сунула их в другой карман, и мы вышли из кухни, направившись в кабинет верстальщиков. Я внимательно всматривалась под ноги. Если я тут ползла, должны же были остаться хоть какие-то отметины! Увы, на полу не было ни одного клочочка моей одежды, а грязные следы, оставленные ногами наших сотрудников за сегодняшний день, всё так же чётко выделялись на светлых паркетинах. Не по воздуху же я летела!

– Зин, ты не знаешь, из наших баб никто в последнее время ничего не терял?

– Вроде нет. А, Натаха серёжку в маршрутке посеяла. С брюликами. А что?

– Ничего...

– Смотри, Саш, – Зина даже приостановилась немного. – В нашей галерее как-то светлее стало, правда? Вот чудеса!

– Тебе показалось, – пробормотала я. – Пойдём быстрее, а то номер не успеем сдать.

– Пойдём, – не стала сопротивляться она и убыстрила шаг.

Глава 4

Когда утром следующего рабочего дня две наши ранние пташки – верстальщица Тамарка и секретарь Настя – впорхнули в офис, мы с Зинаидой, с покрасневшими от бессонной ночи глазами и булькающими от полсотни чашек кофе животами, возлежали на диванчике в холле.

– Сдали? – ничуть не сомневаясь в ответе, хмурым голо-
сом спросила Тамарка.

– Спрашиваешь! – лениво вскинула на неё глаза Зина. –
Уже ушло в печать.

– Сделать вам кофе, девочки? – заботливо спросила На-
стасья.

– Не-е-ет! – испуганно вскрикнули мы с Зинкой.

Настя рассмеялась. Тома, ещё сильнее помрачнев, развер-
нулась и быстро застучала каблучками по лестнице.

– Что это с ней? – спросила я удивлённо.

– Переживает, – сказала Настя.

– Опять с мужем поссорилась? – догадалась Зинаида.

– Ага. Вчера вечером. Мужик какой-то ей на мобильник
позвонил – ну, номером ошибся, а Вовчик как взъярился. Я,
говорит, знаю, кто это был, очередной хахаль, говорит, туды
ему растуды!

– Как обычно, – хмыкнула Зина и посмотрела на меня. –
Представь, если бы мы ещё под горячую руку?!

– Страшно даже подумать! – поддакнула я.

– Как она с ним живёт, – покачала головой Настя. – Я бы уже давно собрала вещички да и съехала к чёртовой бабушке.

– Любовь! – глубокомысленно произнесла Зинаида.

– Любовь, – вздохнула я.

– Ладно, девки, скоро ПЭПэ придёт, пойду кофе варить.

– Валяй! – мы нехотя поднялись с тёплого дивана и поплелись к себе на второй этаж.

Хлопнула входная дверь. Я оглянулась. В офис, о чём-то весело споря, влетела раскрасневшаяся Ксенька под руку с Марией Семёновной. Следом за ними ввалилось ещё несколько человек.

– Ну что, сдали? – закричали они в один голос.

– А куда бы мы делись? – вяло сказали мы и продолжили подъём наверх. Рабочий день начался.

Только к обеду мне удалось уединиться в одном потайном местечке, о котором знала только я. Странно, что больше никто из баб не догадался, что за дверцей, прятавшейся под лестницей и выглядевшей вполне невинно, есть крохотный чуланчик с удобным сундучком, на котором такое удовольствие посидеть в одиночестве. Представляю, как любили прятаться тут дети господина Лебедева – если они у него, конечно, были. Темновато тут, правда, но для того дела, которое мне необходимо проверить, света вполне достаточно. Незаметно прошмыгнув в своё убежище, я плотно закрыла

за собой дверку, присела на сундук, ощутив лодыжкой холодный металл обруча, и достала из кармана странную находку.

– Как же ты ко мне попал? – прошептала я, поворачивая разными сторонами к свету, проникающему из щелей, львиную фигурку.

Цепочка, продетая сквозь еле заметное колечко на звериной голове, переливалась так ярко, как будто была сделана из солнечных лучей. Неужели золотая? Ни у кого из наших я не видела ничего подобного. Откуда же она взялась? И что мне теперь с ней делать? Выбросить от греха подальше? Я сжала фигурку в руке. Нет, мне почему-то не хотелось с ней расставаться. Но как же быть? Может быть, Ксеньке показать? И что я ей скажу? Так мол и так, дорогая подружка, пока я была без сознания, ударившись головой о стенку, какой-то добрый человек протащил меня через весь дом, сунул в руку это сокровище и испарился, будто его и не было. Ха-ха-ха, глупая романтическая бурёнка ты, скажет Ксенька, и будет права, между прочим! Возомнила себя девушкой из Каперны, а самой-то четвёртый десяток пошёл! Ладно, вариант с подругой отпадает. А если...

Что «если», я додумать не успела, потому что с другой стороны двери послышалась какая-то возня, быстрый топот ног по лестнице, громкие крики, и я, неосознанно нацепив на шею тонкую цепочку, выскочила наружу. Мимо меня пронеслась наша Томочка, вся в слезах. Следом за ней бежала

взволнованная Настя. Я сделала было шаг за ними, но, боковым зрением заметив движение слева, остановилась. В дверях своего кабинета стоял Зимин и смотрел прямо на меня.

– Что случилось, Пётр Петрович? – спросила я.

– А с чего вы взяли, Александра, будто что-то случилось? – невозмутимо ответил он и слегка вскинул брови.

– Тамара Сизова... – мотнула я головой в сторону, – плакала...

– Идите на рабочее место, Александра! – поморщился шеф и развернулся ко мне спиной.

Я заколебалась – то ли броситься за Тamarкой, то ли последовать совету начальства. Выбрала второе. Узнаю у девчонок, что произошло, а там и буду решать. И поспешила наверх.

– Сашка, где ты ходишь? – прошипела мне менеджер Наташа, чей стол располагался рядом с моим. – Тут тако-о-ое!

– Бедная Томка, – жалостливо произнесла Зина.

Она сидела в моём кресле, подперев голову руками, и нервно кусала губы. В менеджерской собрались почти все наши сотрудницы, заполнив и без того небольшое помещение до отказа. Даже Мария Семёновна снизошла, значит, и правда произошло что-то из ряда вон выходящее.

– Что случилось, девки?

– Уволили нашу Тamarку, – выдохнула Софья, наш дизайнер, весьма импульсивная особа.

– Как? За что? – оторопела я.

– Да никто ничего не знает! – Зина сморщилась. – Томка, как оглашенная, к нам ворвалась, вещички свои схватила и умчалась. Настька только успела бросить, что, мол, шеф Тому уволил, ну и всё...

– Вообще-то я слышала кое-что, когда мимо кабинета шефа проходила, – нехотя призналась Марина, наш новый менеджер, – но, боюсь, эти обрывки фраз картину не дополняют.

– Что ты слышала? – спросила я.

– И молчала?! – это уже Зина ахнула.

– Как ты могла, Марина! – добавила Ксения.

– Мы тут голову ломаем, а она! – присоединилась ко всеобщему возмущению Софья.

– Да ну, девчат, я же говорю, ничего такого! – Марина покраснела. – Шеф по телефону орал на какого-то Владимира Филипповича, типа он его достал. Я, говорит, вам что, мальчик, что ли? Мне, говорит, ваши подозрения поперёк горла уже стоят. И с размаху трубку обо что-то ка-а-а-ак грохнет! А потом Тамарка, как ошпаренная, из кабинета выскочила. Вот и всё. Я так и не поняла, при чём тут этот доставучий тип и наша верстальщица?

– Вот это да, вот это пердимонокль! – присвистнула Ксенька. – Вован Филиппович и до шефа добрался! Чтобы Зимин повысил голос – такого за десять лет работы я не слышала! Бедная Томка... Запрёт теперь муженёк её в клетке двухэтажной каменной, и будет наша красавица томиться, аки узник...

– Так этот подозрительный тип – муж Сизовой, что ли? – дошло до Марины. – Он её что, к Петру Петровичу приревновал? С ума сойти!

– Он её даже к охраннику ревнует, которого сам же, между прочим, к жёнушке и приставил, – мрачно произнесла Наташа.

– Да-а-а, – уныло пробормотала Зина. – Добился своего Владимир Филиппович, теперь Томка вообще шагу из дома не сможет сделать.

– Да что он – зверь какой, что ли? – возмутилась Марина. – Слушайте, у вас у всех такой вид, как будто не двадцать первый век на улице, а дремучий домострой!

– Ты просто Вовика не знаешь, Мариш, – хмыкнула Ксенька, – иначе оптимизма твоего поубавилось бы. Странно ещё, что так долго у нас Тамарка продержалась, видно, вся Вселенная помогала ей в этом.

– Что целая Вселенная перед одним Вованом – тьфу! – плюнула на мой стол Зинаида.

– Эт точно, – хмуро поддакнула Наташа.

– Не может быть, чтобы Тамаре нельзя было помочь, – рассудительно сказала Мария Семёновна, все это время молча курившая у открытого окна. – Вы чересчур эмоциональны, друзья мои. Я думаю, что самый лучший выход – поговорить обо всём с Петром Петровичем. И этим я сейчас и займусь.

Она ловко придушила окурок в пепельнице, обвела всех

спокойными светлыми глазами и вознамерилась было встать, но тут в спектакль вмешалась новая героиня.

– Не надо, Мария Семёновна! – сказала я твёрдо. – Не ходите.

– Ты что, Шурка? – удивилась Ксения. – Не хочешь помочь Тамаре?

– Ей не нужна наша помощь, – уверенным тоном заявила я.

У меня было чёткое убеждение, что ничего делать уже не нужно, всё решилось и без нас.

– Ну ты даёшь, Саш! – прищурилась Зина. – Не ожидала от тебя, если честно...

– Да поймите же! Томке не нужно помогать, потому что уже всё хорошо!

– Все хорошо? – переспросила Мария Семёновна, как-то странно посмотрев на меня.

– Да! – пылко воскликнула я, всё больше укрепляясь в своём знании. – И к Петру Петровичу идти не надо, потому что он сейчас придёт сюда сам!

– Тьфу, Шурка, опять твои фантазии, – недовольно поморщилась Ксенька.

– Придёт и скажет, – не отступала я от своего, – что никого он не увольняет, Владимир Филиппович извинился перед ним!

– Сизов? Извинился? – расхохоталась Ксения. – Ты себя слышишь вообще? Что ещё за конфабуляции? – моя подруга

любит необычные словечки. – Девчонки, не обращайтесь внимания, наша Александра всегда была...

Узнать дальше о сложностях моего характера никто не успел, потому что за пределами нашей комнаты послышался посторонний шум. Кто-то, явно очень тяжёлый, поднимался по лестнице, громко скрипя старыми ступеньками. Я улыбнулась, наши дамы замерли. Через несколько секунд тревожное молчание прервалось стуком в дверь.

– Заходите, Пётр Петрович! – оглянувшись на меня, выпалила Ксения.

Конечно, мы все сразу же узнали характерную поступь шефа. На пороге показалась его грузная фигура. Лицо Петра Петровича было, по обыкновению своему, невозмутимым, взгляд твёрдым и цепким, а в руке он держал неизменный кожаный портфель.

– Мария Семёновна, я везде вас ищу, – еле уловимое недовольство проскользнуло в его голосе. – Вы забыли, что у нас в пятнадцать ноль-ноль встреча с Вольским?

– Ох! – дёрнулась редакторша. – Простите, Пётр Петрович, совершенно вылетело из головы!

Она поспешно вскочила, уронив при этом мобильный телефон и сигаретную пачку, которые лежали у неё на коленях. Белые палочки от удара об пол тут же выскочили из коробки и раскатились в разные стороны. Пётр Петрович усмехнулся и развернулся к двери. Зина с Софкой бросились помогать Марии Семёновне, а Ксенька победно посмотрела на

меня. «Я же говорила!» – прочитала я в её глазах. По моей шее пробежал лёгкий прохладный ветерок, заставивший меня вздрогнуть и посмотреть на Петра Петровича. Полуобернувшись назад, он глядел на меня таким странным, тяжёлым взглядом, от которого окаменели все вокруг, а моя спина вмиг стала мокрой.

– А что касается Тамары Сизовой, – выговорил шеф в наступившей тишине, не ослабляя хватки, – можете больше не переживать, Александра. Она остаётся в нашем коллективе. Владимир Филиппович принёс свои извинения.

Помедлив ещё какую-то секунду, он вышел, с глухим стуком хлопнув дверь. Зинаида испуганно посмотрела на меня.

– Господа, в нашей редакции завелась Ванга! – радостно провозгласила Софья и хлопнула в ладоши. – Со всеми вопросами подходите ко мне, её импресарио!

– Подожди, Софа, – Ксения пристально взгляделась в моё лицо. – Шурка, так ты всё знала, что ли? И ваньку перед нами валяла?

– Я-я-я... нет... – помотала головой я.

– Нет, не могла Александра ничего знать! – задумчиво сказала Мария Семёновна. – Ведь в противном случае придётся допустить мысль, что она с Зиминым в сговоре – а это, согласитесь, нонсенс...

– Согласимся! – ехидно поддакнула Наташка.

– К тому же до сих пор никаких актёрских талантов я у

Саши не замечала...

– Вот спасибо вам, Мария Семёновна, – криво улыбнулась я.

– Значит, так! – властно подытожила наш главный редактор. – Я сейчас еду на встречу, а вечером вернусь, и мы всё обсудим. А пока попрошу всех пройти на свои рабочие места. Софья, ты разобралась с макетом для типографии?

– Не успела ещё, Мария Семёновна! – пискнула Софья.

– Так иди и разбирайся! Всё, дамочки, работать, работать!

Мария Семёновна поторопилась за шефом. Зинка нехотя вылезла из моего кресла.

– Ладно, девчат, я пойду, у меня там вёрстка... Софа, ты идёшь?

– Иду, куда ж я денусь, – пробурчала Софья. – Айда за мной, тихоня, нам ещё в типографию звонить.

Она потянула за руку свою соседку Аню, незаметную молчаливую девушку, которая так и просидела всё это время, не проронив ни слова. Очень талантливый дизайнер, между прочим.

Девчонки вышли из менеджерской. Ксения подошла ко мне.

– Шурка, – прошептала она мне в ухо, – я пока не поняла, в чем тут дело, но удивить меня тебе удалось, так и знай! Ладно, потом с тобой разберусь.

Она тоже выскочила из комнаты. Да, я забыла сказать, что моя подруга работала в издательском доме «Книжная сим-

фония» журналисткой, причём за годы своей работы заслужила звание въедливой и упёртой стервы, чем сама Ксенька весьма гордилась. Так что предстоит мне разбор полётов тот ещё.

Я со вздохом опустилась в своё кресло и бездумно упёрлась взглядом в чёрный монитор. На меня смотрело знакомое курносое лицо, ничем не примечательное и совершенно невыразительное. «Даже дорогие очки не делают тебя краше», – грустно подумала я и поправила рукой сломанную дужку, которую после ночного происшествия наспех перевязала скотчем. Как давно это было! Да и было ли вообще? Может быть, мне всё приснилось? А что, расслабилась при вычитке, на минутку задремала, а подсознание и выкинуло со мной злую шутку. Я потрогала правую щеку. Нет, слишком явно мне помнится боль при падении. А теперь эта странная история с Тамаркой, которую уж точно ничем не объяснишь. Ведь я на самом деле всё наперёд знала! Шефа видела, голос его металлический как наяву слышала. А этот его взгляд – б-р-р-р, как вспомню, так жить не хочется!

Меня передёрнуло, и отражение на дисплее дрогнуло, смазалось, только какой-то яркий огонёк вдруг вспыхнул в районе моей шеи. Господи, я же совсем забыла про этого льва! Вороватым движением застегнув верхнюю пуговичку блузки, дабы избежать любопытных девических взглядов, я дёрнула компьютерную мышь. Моё отражение превратилось в скучную таблицу с данными наших потенциальных клиен-

тов. Глаза выхватили строчку с фамилией главного художника Арбузовского театра, которому я должна была сегодня перезвонить, и я вздохнула. Говорить сейчас ни с кем не хотелось, особенно с этим мутным Серебряковым, который вчера даже слова не дал мне выговорить. Ладно, мы не гордые, можем и повторить.

Я потянулась к трубке.

– Андрей Михайлович? Здравствуйте, это Александра Ковалёва из «Книжной симфонии», – сладким голосом пропела я, однако не чувствуя в себе ни капельки энтузиазма. Но, как говорится, профессионализм не пропъёшь. – Мы вчера с вами не договорили по поводу интервью. У нас очень хорошее, я бы даже сказала, выгодное к вам предложение...

– Да, меня заинтересовало ваше предложение, Александра, – перебил меня художник, – но...

– Но не сейчас? – продолжила я, мысленно посылая господину грубияну проклятия.

– Нет, почему же? – удивился он. – Можно и сейчас. Собственно, я бы даже хотел попросить вас, чтобы наша встреча состоялась как можно скорее. Видите ли, завтра утром я улетаю на гастроли и вернусь только через месяц.

– Так это же замечательно, Андрей Михайлович! – вскричала я, не веря тому, что услышала, но торопясь не упустить рыбку с крючка. – Сейчас же передам ваше пожелание нашим журналистам, и ровно через час кто-нибудь из них...

– Не спешите, Александра, – остановил мою быструю речь

Серебряков, – у меня есть одно условие.

– Какое условие? – притормозила я.

Ну вот, сейчас начнётся! У этих чокнутых художников непонятно что в голове творится, не знаешь заранее, чего от них ожидать.

– Интервью я дам только вам, Александра Ковалёва. Исключительно вам и никому другому. Так и знайте, если придет кто-нибудь из журналистской братии, даже на порог не пущу!

Что ещё за новости? Я обескураженно подняла глаза на Наташку и, в ответ на её вопросительный взгляд, покрутила пальцем у виска. Та понимающе улыбнулась. Кто, как не наши менеджеры, знает, сколько раз за день приходится сталкиваться со странными, мягко говоря, людьми!

– Отчего же у вас такое отношение к моим коллегам, Андрей Михайлович? – ласково проворковала я. – У нас работают очень сильные профессионалы, поверьте мне!

– Я искренне вам верю, – улыбнулся мой собеседник, – и ничего против ваших коллег не имею, честное слово. Но интервью дам только вам.

– Но я же простой менеджер! – попыталась уговорить я упрямца. – Я никогда не брала интервью и даже не знаю, как это делается!

– Я вас научу, – огорошил меня художник, – вы не представляете, сколько я всего знаю и умею.

– Но... – растерянно забормотала я и опять посмотрела

на Наташу.

Та неистово кивала мне головой. Езжай, мол, дурочка, не упускай такого шанса! Тогда я перевела взгляд на Маринку, но в ответ получила лишь неопределённое пожатие плечами.

Ладно, буду сама выпутываться.

– Андрей Михайлович, скажите честно, почему вы хотите видеть именно меня? – пошла я напролом, убеждённая, что нет ничего лучше для собственного успокоения, кроме правды.

Наташка схватилась за голову, Марина тихо прыснула в кулачок.

– Я доверяю своей интуиции, милая Александра, которая сейчас мне ясно твердит, что лучшее интервью у меня возьмёте именно вы, упрямый менеджер из издательства «Книжная симфония»!

– Ладно! – сдалась я. – Так и быть, приеду к вам сама. Но только потом не говорите, что я вас не предупреждала!

– Не беспокойтесь, – усмехнулся художник, – не скажу. Итак, жду вас через два часа на проходной.

– Хорошо, – смиренно произнесла я и положила трубку.

Наташа тут же подскочила ко мне.

– Вот балда, чуть клиента не упустила!

– Странный он какой-то, – озадаченно сказала я. – Или все художники такие?

– А кто это был, Саш? – спросила Марина.

– Главный художник нашего театра Серебряков. Девки,

может, он маньяк?

– Ты что, дура?! – возмутилась Наташка. – Такой красавчик не может быть маньяком! Видала я его фотки, невозможно поверить, что такое чудо по земле ходит. А какие декорации он малюет, просто отпад! Ты хоть раз в нашем театре бывала, тёмная девушка?

– Давно, – пожала плечами я.

– Эх, надо было мне ему позвонить! – закатила глаза Наташа. – Уж я бы не растерялась!

– Ты бы точно не растерялась, – усмехнулась Марина. – Это даже мне понятно, хотя я тебя всего месяц знаю. Я ещё удивляюсь, отчего это наш шеф к рукам не прибран?

– Ты просто не в курсе, Мариш, – усмехнулась я. – Этот орешек Натахе не по зубам оказался.

– Александра, ты ещё здесь? – Наташа явно была уязвлена. – Я бы на твоём месте пулей к журналистам мчалась!

– Зачем это? – насторожилась я.

– А ты сама, что ли, вопросы для интервью писать собираешься? Я знаю, у них там стандартные заготовки имеются... Нет, конечно, если мы и сами такие умные...

– Уже бегу!

Ксения была удивлена не меньше моего.

– Интуиция, говоришь? – задумчиво повторила она. – Что ж, такой человек, как Серебряков, имеет право на капризы. Ладно, подруга, слушай меня внимательно и запоминай. А лучше запиши...

Глава 5

И вот ровно через два часа, взмокшая и голодная, с тяжёлым фотоаппаратом на плече, я переминалась с ноги на ногу возле стеклянной стойки на проходной.

– Андрей Михайлович сейчас спустится, подождите! – прокричал мне через окошко глуховатый вахтёр пятнадцать минут назад.

– За это время можно было уже в кафешку сбегать, – угрюмо думала я, скользя взглядом по беспорядочно снующим мимо меня людям.

Пообедать мне сегодня так и не удалось, и мой бедный желудок тосковал, ругая свою бестолковую хозяйку за неуважительное к себе отношение.

– Потерпи, дружок, ещё каких-то пару часиков – и мы с тобой славно пообедаем, а заодно и поужинаем в уютном заведении напротив, – тихо пробормотала я.

– Зачем же так долго ждать? – вкрадчиво раздалось вдруг у меня под ухом, и я, вздрогнув, резко обернулась.

Передо мной стоял смуглый господин с восхитительной статью готового к прыжку льва и обворожительно мне улыбался. Мне, Шурке Ковалёвой, ничем не примечательной бабе!

– Я приглашаю вас в наше кафе! – продолжил он. – Здесь, конечно, не подают таких отбивных, как в уважаемом заве-

дении напротив, но от тарелочки горячего грибного супа, я думаю, вы не откажетесь?!

– Кто, я? – переспросила я, глупо хлопая глазами.

– Вы, – с улыбкой подтвердил красавчик. – А что вас удивляет, милая Александра?

– О-о-о! – вырвалось у меня. – Так вы Серебряков??

Странно, что я сразу не узнала его голос. Стыдись, Шурка, где твой тонкий музыкальный слух?

– Не буду этого отрицать, – развёл руками он. – Андрей Михайлович Серебряков, к вашим услугам.

– Александра Ковалёва, менеджер...

– Помню, помню, – рассмеялся холёный тип. – Так что же, вы составите мне компанию, уважаемая Александра Ковалёва?

То ли его искренняя и совсем не чванливая улыбка так подействовала на меня, то ли надежда на скорое утоление голода, но мне вдруг стало так легко и весело, что захотелось даже выкинуть что-нибудь эдакое.

– Всенепременно и с глубочайшим удовольствием! – я шаркнула ножкой и присела в реверансе под радостную усмешку художника...

Вот так я и оказалась, совершенно неожиданно для себя, в полупустом театральном кафе за столом с импозантным мужчиной. Права оказалась Наташка, его лицо поражало своей необычной красотой и особой выразительностью. Было в нём что-то от Чингачгука из племени могикан – та-

кой же глубокий взгляд и резкий, словно вырезанный из эбенового дерева изгиб скул. Дополняли образ длинные волосы цвета антрацита, собранные в тугий хвост. Я скосила глаза на его руки. Почему-то мне представлялось, что, как у всякого художника, они обязательно должны быть испачканы краской. Но нет, у этого человека и руки оказались под стать – смуглые длинные гладкие пальцы, чистые ухоженные ногти, а на безымянном пальце левой руки гарцевал широкий золотой перстень. Я опять подняла глаза на господина Серебрякова. Он с усмешкой смотрел на меня. Я смутилась. Привык, небось, к женскому восхищению, вот и смеётся теперь над очередной поплывшей дурёхой.

– Давайте пока начнём, Андрей Михайлович? – неестественно громко сказала я и потянулась к сумке за диктофоном.

Тут же мужская рука накрыла мою ладонь, остановив нервное движение. По моей спине пробежал холодок.

– Успеем, Александра, – спокойно произнёс Серебряков. В его карих глазах прыгали чёртики. – Я обещал вам тарелку грибного супа, и мне хотелось бы сдержать своё слово.

– Ладно, но только ради того, чтобы вы не чувствовали себя пустомелей, – вырвалось у меня, и я тут же покраснела от собственного нахальства. – Давайте уж ваш супчик!

Он весело рассмеялся, открыв при этом белоснежные ровные зубы. Конечно, какая же ещё может быть улыбка у этого красавчика?!

– Моя интуиция меня не обманула, – продолжая смеяться, выпалил он. – У вас не только приятный голос, дорогая Александра, но ещё и чудесные манеры.

– Спасибо вам, добрый человек, – пробормотала я, покраснев ещё больше. – Слышала бы вас сейчас моя бабуля!

– Я могу это и ей лично повторить! – усмехнулся Серебряков. – Хотите?

– К сожалению, у вас это не получится. Бабушка умерла восемь месяцев назад.

– Ох, простите, пожалуйста, – его взгляд тотчас стал серьёзным, а горячая ладонь опять накрыла мою руку. – Я не хотел вас печалить. Ваша бабушка была для вас очень близким человеком?

– Ближе всех, – просто ответила я. – Родители погибли, когда мне было чуть больше года, так что, сами понимаете...

– Понимаю. И ещё раз прошу прощения за свою бестактность!

– Ничего, – улыбнулась я и потихоньку высвободила свою руку из-под мужской ладони.

– Смотрите-ка, а вот и обещанная еда!

Он повернул голову в сторону миниатюрной официантки, которая в этот момент, с радостной улыбкой и большим подносом в руках, подходила к нашему столику.

– Спасибо, Светочка! – Серебряков обворожительно улыбнулся девице, отчего та заулыбалась ещё шире.

Я фыркнула про себя. Представляю, сколько у него по-

клонниц, с такими-то талантами! Вон и пожилая барменша не сводит глаз с нашего столика. Мда... Пожалуй, от этого сердцееда лучше держаться на расстоянии.

– Если что-то ещё нужно будет, Андрей Михайлович, вы только моргните, я мигом прилечу! – проворковала Светочка и, ловко расставив тарелки на нашем столике, поплыла в сторону кухни, плавно покачивая бёдрами.

Серебряков с удовольствием проводил её взглядом. Я усмехнулась.

– Я не ловелас, Александра, – мягко сказал он, заметив мою усмешку. – Просто, как и всякий художник, очень люблю красивых людей.

– Особенно женщин...

– Особенно женщин, – подтвердил он. – Разве это не естественно?

– В вашем случае было бы странным, если бы это было не так. Вы очень мужчина, и сами это знаете.

– Я очень мужчина? – переспросил он, улыбнувшись.

– Да. Бывают просто мужчины, а есть очень мужчины, – пояснила я. – И вы – ярчайший представитель этого редкого вида. Мужички нынче мельчают, вы же не будете с этим спорить?

– Мне нет дела до других мужчин, – равнодушно пожал плечами он.

– Да и мне тоже, собственно.

– Вы что, феминистка? – ужаснулся мой собеседник. –

Или, того хуже, представительница иной ориентации?

– Боже меня упаси! – вздрогнула я.

– Ну слава богу! Прямо от сердца отлегло.

– Андрей Михайлович, у вас, наверное, времени в обрез перед отъездом? – перевела я разговор на безопасную тему.

– Не беспокойтесь, чемодан я уже собрал, – рассмеялся он. – Но вы правы, нам же ещё надо всё успеть. Ешьте, Саша, – вы позволите мне вас так называть?

– Называйте, как хотите, – милостиво разрешила я и взялась за ложку. – О, а супчик-то действительно недурён!

– Я плохое не посоветую! – серьёзно сказал Серебряков. – Приятного аппетита, Саша!

– Благодарю, Андрей Михайлович! И вам!

А спустя некоторое время мы с Серебряковым оказались в огромной мастерской, находящейся в пристройке к основному зданию театра. Именно тут, в таинственном помещении среди каких-то плакатов, длинными лентами разложенных на дощатом полу, свисающих с потолка странных конструкций и обилия всякой всячины непонятного для меня назначения, я и взяла первое в своей жизни интервью.

– У меня с собой список вопросов, Андрей Михайлович, – вытащила я из сумки тетрадь, когда устроилась в кресло у огромного окна, – на которые наш журнал хотел бы получить от вас ответы.

– Валяйте, Сашенька, – он закинул ногу за ногу и облокотился на спинку. – Расскажу всё, о чём пожелает знать ваше

достопочтенное издание.

– Наше достопочтенное издание жаждет узнать всю правду о талантливом театральном художнике Андрее Серебрякове. Какой путь привёл вас в эту профессию, что подтолкнуло вас заниматься именно театральной живописью, а не, скажем, станковой? Читатели нашего журнала наверняка захотят узнать, кем были ваши родители и способствовали ли они вашему профессиональному становлению?

Выпалив эту тираду, я перевела дух. Как хорошо, что моя Сенька успела подготовить листок с вопросами, иначе выглядела бы я сейчас полной дурой!

– Вы знаете, Александра, – качнул ногой Серебряков, – в детстве у меня, по сути, и выбора-то не было. Матушка моя служила в театре актрисой, и я ошивался у неё в гримёрке чуть ли не с рождения. Поскольку отец бросил нас, когда мне не было и месяца, а бабушек-дедушек мне не довелось узнать, моя бедная мамочка брала меня с собой на работу, где и оставляла под присмотром всего персонала театра по очереди. Особенно же я полюбил дядю Жору, тогдашнего художника-декоратора. Ещё бы, у него в мастерской было столько всего интересного!

– Значит, именно он привил вам тягу к искусству?

– Ну что вы, Сашенька, – усмехнулся Серебряков. – Дядя Жора был, возможно, и неплохим художником, но мало кто об этом догадывался. В нечестные свободные минуты он мог за мгновение намалевать афишку или расписать задник, но

по большей части весело кутил с точно такими же творческими людьми или тихо спал в своей мастерской.

– Но как же ваша мама оставляла малыша на такого ненадёжного человека? – ахнула я.

– После того, как однажды я закатил рёв, когда у меня забрали из рук кисти, мама поняла, что меня лучше не трогать. А когда я подрос, то стал полноценным помощником дяде Жоре, который к тому времени устал от свободной жизни, бросил пить и вдруг женился на моей маме.

– Ого! – воскликнула я. – Ничего себе поворот!

– Согласен, лихо жизнь накрутила. Так что, отвечая на ваш, Саша, вопрос об участии родителей в моём профессиональном становлении, могу сказать, что да, участие было непосредственным и очень ощутимым!

– Скажите, Андрей Михайлович, а в художественной школе вы учились?

– А как же! Разглядев мои способности, дядя Жора посоветовал маме отдать меня к хорошему педагогу, что она и сделала. Школа, в которую меня определили, находилась...

Серебряков продолжал говорить, а я вдруг вспомнила, что ещё не спала сегодня. Нашла когда думать об этом, дурёха, во время ответственного интервью! Я постаралась широко открыть глаза, пристально всматриваясь в лицо напротив. Голос Серебрякова, который сначала мне казался по-мужски будоражащим, превратился в сплошной монотонный гул. И чем дальше он говорил, тем сильнее и крепче сонная вялость

охватывала меня. В голову лезли какие-то смутные образы индейцев с томагавками в руках, скачущие на ярко-рыжих львах. Как интересно он рассказывает, сквозь дремоту думала я. Только почему эти дядьки с высокими разноцветными перьями в волосах так похожи на моего нового знакомого? Все, как один. Ах, нет, в руках у них уже не топорики, а кисти со стекающей краской, которая капает на траву, оставляя за собой разноцветные масляные дорожки. Вот бы пробежаться по ним босиком! Совершенно явно я увидела под ногами яркую лужицу и, окунув в неё правую ногу, провела большим пальцем кривую загогулину. Палка, палка, огуречик, вот и вышел человечек, рассмеялась я и... проснулась. Надо мной склонилось озадаченное лицо моего интервьюируемого.

– Ой, мамочки, – пробормотала я сконфуженно. – Простите, пожалуйста, Андрей Михайлович, кажется, я задремала...

– Никогда не видел, чтобы мой голос так действовал на человека, – рассмеялся Серебряков. – Может быть, пора осваивать профессию гипнотизёра, как думаете?

– Вот вы смеётесь, а мне очень стыдно, Андрей Михайлович! – я почувствовала, что краснею. – Хоть у меня и есть смягчающее обстоятельство – я не сплю вторые сутки. Но всё равно мне не следовало...

– Вторые сутки? – вскричал художник. – Вы что, готовитесь к полёту в космос? Тренируете таким образом свой организм? Так может быть вам за ужином надо было другой

еды заказать, в тюбиках? Для завершения картины, так сказать...

– Нет, не надо было, – помотала я головой. – Не люблю суррогаты.

– А если серьёзно, что могло помешать вам провести ночь, как и всем нормальным людям, в обнимку с подушкой?

– Работа, – вздохнула я. – У нас была сдача номера. Обычное дело, Андрей Михайлович. А у вас тут так спокойно и голос такой завораживающий, что я расслабилась, и вот вам результат...

– Значит, так! – Серебряков кинул взгляд на наручные часы. – Сейчас ровно девятнадцать тридцать. В вашем нынешнем состоянии брать интервью не совсем правильно и даже, я бы сказал, вредно. Давайте сделаем так: вы езжайте домой, поспите, а завтра рано утром, часиков в восемь или девять, мы с вами встретимся, и я отвечу на все ваши вопросы.

– А как же ваш самолёт? – вспомнила я.

– Полечу вечером, только и всего, – невозмутимо пожал плечами Серебряков. – Ну что, договорились?

– И вы из-за этого интервью готовы перенести свой отлёт?! – ахнула я.

– Я просто не хочу вас подводить, Саша, – посмотрел он мне прямо в глаза. Зрачки у него были чёрные-чёрные, а от них жёлтыми чёрточками отходили маленькие жаркие лучи. – К тому же именно я уговорил вас приехать сюда, так что будет справедливо, если часть ответственности за это я

возьму на себя.

– Вы хороший человек, Андрей Михайлович! – с чувством сказала я.

– Да ну, оставьте! – бросил он. – Нормальный.

– Я с вами завтра поспорю, – вяло произнесла я. – Сейчас у меня на это нет сил. И чем дальше, тем меньше их остаётся.

– Знаете что, – задумчиво протянул он, не отрывая от меня львиных глаз, – а оставайтесь-ка вы тут, у меня.

– Как – у вас? – я смутилась и даже немного испугалась.

– Вот так. Да не переживайте вы так, я вовсе не собираюсь вас соблазнять!

– Я и не переживала... – вспыхнув, пробормотала я.

– Я просто предлагаю вам переночевать тут, а сам поеду домой. Вот видите там в углу дверь? За ней есть небольшая комнатка, в которой я сам время от времени ночую, когда допоздна задерживаюсь на работе. Там очень удобный диван и есть даже чистое постельное бельё. Конечно, как же я сразу об этом не подумал! Вам там будет очень уютно, соглашайтесь, Саша.

– Не думаю, что это хорошая идея... – я захлопала глазами.

– А я уверяю вас, что прекрасная! Подумайте сами, пока вы доберётесь до дома... А в каком районе вы, кстати, живёте?

– На улице Весенняя.

– Так это же совсем на другом конце города! – почему-то

обрадовался он. – Так вот, пока доберётесь, пока то да сё – ну, всякие там домашние дела, пока ляжете спать, уж и подниматься будет пора. А тут, представьте только себе, Саша, – удобный диван, чистое бельё, тишина и благодать! Красота, опять же, рядом... Соглашайтесь! Обещаю, что никто вас тут тревожить не будет. И я уйду сразу же, только комнату вам покажу. Ну?

– Я как-то не предполагала, что вторую ночь подряд дома не буду ночевать...

– Ваши домашние могут взбунтоваться?

– Да нет, Гошка поймёт, с тётушкой я договорюсь... – теряя уверенность, протянула я.

Конечно, по-хорошему надо бы домой, но как представлю, что сейчас трясись в автобусе, а потом пилить пешком до квартиры...

– А, ладно! – решила я. – Думаю, ничего страшного не случится, если я тут останусь. Ведь не случится же, правда?

– Клянусь, Саша, ваш сон будет спокоен и безмятежен! – глядя мне в глаза, серьёзным тоном произнёс он. – Идёмте же, а то у меня такое ощущение, что ещё минута, и до дивана мне придётся нести вас на руках. Не то чтобы я был против это сделать, но боюсь, что вам это покажется не совсем приличным.

Я покраснела и мигом вскочила с кресла. Серебряков весело рассмеялся и сделал широкий жест в сторону своей камеры.

– Добро пожаловать в прибежище для художников, а также милых барышень, занесённых ветром судьбы в эти дикие места!

– Судьба сегодня играет со мной в забавные шуточки, – хмыкнула я и провела пальцем по тёплому кулону на своей шее.

За указанной дверью оказалась очень милая комнатка с диваном, накрытым красным клетчатым покрывалом, круглым журнальным столиком в углу и невысоким старомодным буфетом у стены. Ничего лишнего.

– Хорошо у вас тут. Уютно. Люблю минимализм.

– Я тоже. Знаете, за день устаёшь от многоцветной круговерти! – Он поставил на столик мою сумку и открыл нижний ящик буфета. – Так, что у нас тут?

На свет появилась стопка постельного белья. По комнате разнёсся аромат свежести и ещё чего-то, неуловимого. Я не успела понять, что это, как вдруг из моей сумочки послышался звонок.

– Алло! – схватила я трубку. – Сенька, привет! Нет, я ещё не дома. В театре? Да, была... Сенечка, давай завтра поговорим, а? Я очень устала и вообще... Ну что ты, нормальный голос... Я же говорю, устала! Да, и я тебя!

– Беспокоятся? – тонко улыбнулся Серебряков.

– Наверное...

Я небрежно закинула телефон обратно в сумку и прислонилась к стене.

Серебряков застилал постель. Что-то нервное вдруг появилось в его движениях, я почувствовала это всем своим женским нутром. Со стороны вся эта ситуация выглядит, наверное, довольно двусмысленно, впрочем, я сейчас так устала, что думать об этом совсем не хочется.

Хозяин жилища выпрямился. Во взгляде его сквозила растерянность.

– Саша, скажите, у вас случаются моменты дежавю? Когда кажется, что всё это со мной уже когда-то было?

– Случаются, – кивнула я. – У вас сейчас дежавю, Андрей Михайлович?

– Очень ясное. Такое, что мне даже страшно стало. Хотя поверьте, меня не так просто чем-то напугать. Но сейчас у меня абсолютная уверенность, что всё это уже было. Вы точно так же стояли здесь, на этом самом месте, и я точно так же застилал для вас постель.

– А потом? – я с интересом взглянула в его лицо. – Что было потом в вашем дежавю?

– Больше я ничего не вижу, – он беспомощно развёл руками.

– А я вижу, – прикрыла я на минуту глаза. – Сейчас вам позвонят и скажут, что эскизы к постановке, которые вы отправляли на рассмотрение в один из театров Вены, одобрены, и они согласны ставить спектакль с вашим участием. Кажется, это «Маленький принц»?

Я открыла глаза. По-моему, мне удалось очень удивить

этого холёного красавца.

– Откуда вы узнали про Вену, Саша? – его смуглые скулы заметно побелели. – Об этом не знает никто из моих...

Закончить фразу он не успел. Из кармана его рубашки слышался детский смех. Телефон, догадалась я.

– Алло? – метнув в меня быстрый взгляд карих глаз, сказал в трубку Серебряков. – Yes it's me. From where...¹?

Он ещё больше побледнел и медленно опустился на диван. Я закрыла глаза. То, что будет дальше, я знала с абсолютной точностью. Голос художника звенел от волнения. Именно в эту самую минуту я поняла, что в жизнь мою ворвалось что-то такое, что не поддаётся никакому разумному объяснению и логике и с чем мне теперь придётся как-то жить. Мои пальцы опять нащупали маленькую фигурку на груди.

Через несколько минут, когда в комнате наступила полная тишина, я открыла глаза. Серебряков по-прежнему сидел на диване, лоб его был в испарине, а взгляд не отрывался от дисплея телефона.

– Они были в восторге от вашей работы? – спросила я.

– Да, – ровным голосом ответил он. – Господин Мейер сказал, что именно так представлял себе декорации для «Маленького Принца». Вы, говорит, волшебник, господин Серебряков, вам удалось не только прочесть мои мысли, но и предельно точно изобразить их на бумаге.

– Я очень рада за вас, Андрей Михайлович! – искренне

¹ Да, это я. Откуда? (англ.).

сказала я.

– Одного я не пойму, – поднял голову художник. – Как вы об этом узнали, Саша?

– Я? – переспросила я, лихорадочно придумывая ответ.

– Вы, Саша, вы!

– Мне это... приснилось.

– Приснилось? – обескураженно повторил он.

– Да, – кивнула я. – У меня так бывает. Вещие сны. Мои подруги очень, знаете ли, радуются, когда мне удаётся увидеть кого-нибудь из них во сне. Говорят, что многое из увиденного мной сбывается.

– Как такое может быть?

– А что тут такого? – пожалала я плечами. – Вот вы же верите в дежавю, почему бы не существовать и вещим снам?

– Разумно, – оценил мою логику художник.

Впрочем, найти иное объяснение, не потеряв при этом разум, было бы сложно не только ему, но и мне, Шурке Ковалёвой, обыкновенной девице тридцати лет. И не надо ничего искать, трусливо подумала я. Самый лучший выход – просто забраться на этот мягкий диван с ногами и спать... спать... спать...

– Саша, на вас лица нет от усталости...

– Как это мило с его стороны, – зевнула я, – покинуть меня в такой момент!

– Вы сильная девушка, справитесь.

– Ну вот, опять всё самое тяжёлое приходится брать на

себя!

– Отдыхайте уж, – хмыкнул он и достал из кармана ключи. – Саша, я побеспокою вас ещё ровно одну минуту. Закройте за мной мастерскую, пожалуйста, а то мало ли кому взбредёт в голову навестить вас ночью. А запасные ключи я возьму завтра на вахте.

– Конечно, Андрей Михайлович, – я зажала в руке связку. – Вы простите меня, что доставляю вам такие неудобства.

– Не говорите глупости! – он сжал мою руку. – Это такая малость, которую человек может сделать другому человеку, что не стоит даже думать об этом. До завтра, Саша!

– До завтра, Андрей Михайлович!

Глава 6

Я провалилась в сон моментально. Тёмные галереи, золотые львы, художники и индейцы были оставлены в прошлом дне. К счастью, так никому и не пришло в голову вламываться в мастерскую, так что ночь прошла без происшествий, а пробуждение было лёгким и радостным. Открыв глаза, я первым делом ощупала свою шею. Золотая цепочка была на месте, и рыжая фигурка по-прежнему грела мою грудь своим теплом.

– Интересно, смогу ли я видеть будущее, если тебя не будет рядом? – прошептала я, обращаясь к блестящему зверьку.

И что я ожидала увидеть в этих глазах? Какой ответ? Я сама не могла себе этого сказать. Но связь между этой находкой и моими новыми способностями видела ясно.

– Откуда же ты взялась, киска? – вздохнула я. – Вот что самое непонятное. Допустить, что существуют всякие волшебные штучки, влияющие на способности людей, я ещё могу, но как могли выпасть из моей памяти полчаса, за которые я переместилась, непонятно каким образом, из одного места в другое? Впрочем, выхода другого всё равно нет, как только смириться.

Я ещё раз глубоко вздохнула. А как объяснить всё Сеньке и девчонкам? Вряд ли они поверят мне, если я расскажу

правду, но ведь и соврать-то не получится. Версия про вещи сны не прокатит, я уверена, а ничего более правдоподобного придумать тут просто невозможно. Ладно, подумаю об этом потом, легкомысленно махнула я рукой и вылезла из-под пледа. Хороша же я! Скоро Серебряков придёт, а я в таком виде! Вспомнив про художника, я улыбнулась. На душе стало очень хорошо и спокойно.

– Вот бы у нас с ним завязался роман! – размечталась я. – Я и в Вену не против съездить. Да что там Вена! На край света побежала бы, позови он меня, всё бы бросила – и работу эту, и квартиру свою несчастную, и...

Тьфу, вот же глупая корова!

Я топнула ногой. Посмотри на себя, кто ты, толстуха курносая, и кто он! На тебя же без слёз не взглянешь! Права Ксенька, у девицы одни фантазии на уме и больше ничего путного. Со вздохом я принялась приводить себя в порядок. Жаль, что косметичку не захватила, а впрочем, зачем она мне? Строить глазки Серебрякову – так он этих глазок, гораздо краше моих, наверняка повидал столько, что мне и не снилось. Ладно, и так сойдёт. Я пригладила руками юбку, расчесала свои непослушные волосы, засунула за щеку леденец, который нашла в сумочке, и вышла из комнаты. В мастерской было пусто и тихо. Стараясь двигаться бесшумно, я прошла по большому помещению.

– Конне-е-е-чно! Если бы меня оставляли с младенчества в окружении таких сказочных вещей, может быть, и я бы ху-

дожником стала! – протянула я. – О, какая шляпка!

На одном из крюков, вбитых в стену рядом с высокой полотняной ширмой, висели разномастные шляпки, и среди них, сияя чем-то ярко-жёлтым, выделялась одна. Я остановилась в восхищении. Это была не шляпка. Это была сказка, чудо чудесное, живописный шедевр! Я провела пальцами по гроздьям разноцветных листьев, которые были искусно вплетены в основу шляпки, а потом, не раздумывая ни секунды, сняла этот каприз природы с крючка и натянула на свою голову. Так, где тут зеркало? Ага, вот же оно, между окнами. Подхватив по дороге ещё какую-то переливающуюся ткань, я бросилась к своему отражению.

– Мамочки, какая красота! – выдохнула я в восхищении.

На меня смотрела госпожа Осень, одетая в самый лучший свой наряд. Яркие листья, освобождённые от заточения, волнами упали вниз, заструились по моим плечам, слились воедино с распущенными волосами; ткань, захваченная по пути и оказавшаяся изменчиво-зелёной с багряными оттенками, шёлковой травой обтянула мою фигуру, и глаза, ещё недавно казавшиеся мне тусклыми и серыми, вдруг засине-ли пронзительным осенним небом.

– Была бы мужиком, втюрилась бы сразу в такую женщину! Это же надо, как одежда человека меняет!

Я крутилась перед зеркалом и так и эдак, то боком повернись, то голову назад откину – красотища, да и только! Жаль, на улицу в таком наряде не выйти, а то бы точно все мужики

шеи посворачивали, на меня оглядываясь. Представив эту заманчивую картинку, я заливисто рассмеялась и стала кружиться, подняв в сторону руки.

Крутится, вертится шарф голубой,
крутится, вертится над головой,
крутится, вертится, хочет упасть,
кавалер барышню хочет украсть! –

запела я во весь голос, совершенно позабыв, где нахожусь.

Ласковое солнце светило прямо в высокие окна мастерской, сама я чувствовала себя неотразимой красавицей, барышней из весёлой песенки, а своего вчерашнего знакомого представляла не иначе как красным молодцем, жаждущим вести под венец эту чудную девушку. Зелёная ткань соскользнула с моих плеч, я её молниеносно подхватила и, подняв над собой, как шарф из песни, продолжала залихватский танец.

Где эта улица, где этот дом,
где эта барышня, что я влюблён,
вот эта улица, вот этот дом
вот эта барышня, что я влюблён!

Мне было очень весело. И, как оказалось, не только мне. Притопывая в такт незамысловатой песенки, я лихо развернулась на носочках и... наткнулась взглядом на глаза господина Серебрякова. Глаза человека, который изо всех сил сдерживает рвущийся наружу смех. Увидев, что я, наконец, его заметила, он расхохотался громко и совершенно по-дет-

ски.

– Ой, – только и смогла сказать я, пятясь назад и закрывая зелёной тряпкой своё красное лицо.

Господи, какая же я идиотка! Теперь этот красавчик вообще перестанет воспринимать меня всерьёз. Я готова была провалиться от стыда сквозь этот дощатый пол.

Серебряков, наконец, отсмеялся и, вытирая слёзы с глаз, пару раз всхлипнул.

– Сашенька, я вас сначала не узнал! Думал, сказочная фея посетила мою мастерскую...

– А это оказалась я, маленькое привидение из Вазастана, – буркнула я, – в меру упитанная девушка в самом соку.

– Наговариваете на себя! Кстати, вам очень идёт этот головной убор.

– Поэтому вы так надо мной смеялись? – фыркнула я и, стянув с себя пресловутую шляпку, повесила её на крючок.

Зелёная тряпка вскоре тоже оказалась на своём месте. Я гордо прошагала к креслу, чувствуя себя при этом полной дурой.

– Саша, вы что, обиделись? – удивился Серебряков. – Но я ничего такого не имел в виду. Я просто радовался вашему хорошему настроению вместе с вами.

– А мне кажется, вы просто... – я вовремя замолчала.

Сколько раз бабуля мне твердила: «Шурочка, сто раз подумай, прежде чем ляпнуть какую-нибудь глупость!» Вот и сейчас несправедливые слова готовы были сорваться с моих

губ, и я прикусила язык. Кто бы мне сказал ещё вчера, что я посмею так себя вести в присутствии этого человека, я бы только рассмеялась этому нахалу в лицо.

– Что я? – переспросил озадаченный Серебряков, присаживаясь напротив.

– Андрей Михайлович, простите меня, – сдавленно прошептала я. – Я вообще не понимаю, что на меня нашло. Какая же я неблагодарная! И вообще...

Я замолчала. Серебряков молчал тоже.

– Никогда мне не понять женщин... – тихо произнёс он спустя минуту.

– Мы сами себя не всегда понимаем, – обречённо махнула я рукой. – Так что мужчинам сам Бог велел удивляться нашим странностям.

– Вы меня успокоили, – он улыбнулся. – Ну что, тогда приступим к делу?

– К какому? – не поняла я. – Ах, интервью! Вот я балда, совсем вылетело из головы! Минутку, Андрей Михайлович, я только возьму свою тетрадку.

И я сделала попытку встать, но была остановлена властным мужским взглядом, который точно пригвоздил меня к креслу.

– Что, Андрей Михайлович, что-то не так?

– Вообще-то я другое дело имел ввиду, – понизил голос Серебряков и чуть подался вперёд.

– Какое? – испугалась я.

– А вы не понимаете? – вкрадчиво произнёс он.

Я помотала головой и осторожно отодвинулась назад. Сердечко моё забилося быстрее.

– Ай-яй-яй, а с виду такая умная женщина, – поцокал он укоризненно языком.

– Я прикидывалась, – сдавленно призналась я. Моя спина упёрлась в спинку кресла, когда-то казавшуюся мне очень мягкой, а в подмышках стало мокро. – На самом деле я натуральная блондинка.

– Вы натуральная трусиха! – усмехнулся Серебряков и отодвинулся назад. Глаза его были хитрющие. – Я принёс вам завтрак, Саша, и хотел предложить его съесть.

– О-о-о! – выдохнула я облегчённо. – Вы меня напугали, Андрей Михайлович!

– Я сам испугался, Саша, – весело сказал он. – Мне показалось, вы сейчас умрёте от страха.

– Вы издеваетесь над бедной девушкой, – жалобно произнесла я.

– Это вы издеваетесь, – усмехнулся Серебряков. – Сначала скачете по моей мастерской во всей своей женской красе, а потом обижаетесь на мои искренние комплименты.

– Я не... Андрей Михайлович, давайте лучше позавтракаем? – свернула я со скользкой дорожки. – У нас впереди ещё интервью, а вы сами вчера говорили, что вредно работать на голодный желудок!

– Я так говорил?

– Честное слово! – я быстро закивала.

– У вас хорошая память, Саша, – не стал спорить он. –
Ладно, подайте-ка мне эту сумку...

Глава 7

Я не заметила, как пролетело полдня. Ещё утром я позвонила Марии Семёновне, чтобы сказать о незаконченном интервью, и теперь, когда наша встреча с Серебряковым осталась позади, я с лёгким сердцем ехала на работу. Моё любимое место на заднем сидении автобуса оказалось незанятым, и я всю могла предаваться девичьим мечтам, безмятежно скользя взглядом по мелькающим за окном улицам.

«Ой, смотри, девка, будь осторожна!» – сквозь полудрёму очарования слышала я голос своей бабули.

– Не переживай, ба, – шептала я в ответ, – я совсем точку о нём помечтаю и всё, обещаю!

Вчерашний романтичный вечер и сегодняшнее не менее прекрасное утро вспоминались мне как самое чудесное, что только случилось в моей жизни, и разве могла я сейчас заставить себя не думать об этом? Перед глазами стояло лицо мужчины, о существовании которого я не подозревала ещё два дня назад и который успел полностью разместиться в моей непутёвой голове.

«Надо будет узнать у Наташки, женат ли он, – подумала я. – А впрочем, это совершенно ни к чему, только зря расстраивать себя. Ведь наверняка такой обворожительный мужик уже пристроен и имеет за душой не только жену, но и несколько хорошеньких ребятешек. Даже на телефонный

сигнал он поставил смех своего младшенького... – я вздохнула. – К тому же он всё равно скоро уедет работать в Вену и быстро забудет о существовании обыкновенного менеджера из издательства «Книжная симфония». Или даже уже забыл, что было бы совсем не удивительно. Ладно, Шурка, хватит вздыхать, в твоей жизни хватает странных вещей, в которых надо разбираться!»

Я вздохнула в последний раз, подхватила футляр с фотоаппаратом и направилась к выходу. Следующая остановка была моей.

Первым, кого я встретила в офисе, оказался Зимин.

– Доброе утро, Пётр Петрович, – улыбнувшись виноватой улыбкой, пискнула я.

– Утро закончилось час назад, Александра.

– А я... на интервью была, Пётр Петрович! Разве Мария Семёновна вам не передала? Я ей звонила...

– Передала, – шеф помолчал. – К завтрашнему дню успеете расшифровать запись?

– Надеюсь, – кивнула я.

Кажется, опять придётся в офисе задержаться. Бедный Гошка...

– Вот и хорошо, – Зимин позволил себе приподнять уголки губ. – За год вы многому научились в нашей компании, не правда ли, Александра?

– Так и есть, Пётр Петрович. Спасибо вам, что приняли меня тогда, без опыта работы и вообще...

– Ксения так расхваливала вас, что я не смог устоять, – ещё одна улыбка быстро промелькнула по его лицу.

Что-то он сегодня добрый, к чему бы это?

– Надеюсь, я смогла соответствовать её словам, – неуверенно произнесла я.

– Вполне, Александра. Я доволен вашей работой.

– Я так рада!

– Что ж, не смею больше вас задерживать, – Зимин кивнул и развернулся в сторону своего кабинета.

Я радостно застучала каблучками по лестнице.

– Кстати, Александра! – опять раздалось снизу.

Я свесилась через перила.

– Да, Пётр Петрович?

– Вы не могли бы помочь разобраться с текстом и фотографиями для Вольского?

– Для Вольского? – растерянно переспросила я.

– У вас есть возражения, Александра?

– Ну что вы, как я могу... – я спустилась на одну ступеньку. – Конечно, буду рада помочь!

Вольский – это какая-то шишка из министерства, который решил напечатать в нашем издательстве книгу, написанную собственноручно. Мария Семёновна сказала, что такого бреда она в жизни не читала, но клиент есть клиент. Странно, что шеф обратился именно ко мне, ведь всеми делами этого графомана они с нашим главным редактором занимаются лично.

– Замечательно! – у Зимина был такой тон, будто бы он и не сомневался в моём ответе. – Тогда я жду вас в семнадцать ноль-ноль у себя в кабинете.

– А как же... – я мысленно застонала. Ну вот, ещё одна бессонная ночь мне обеспечена! – Да, конечно, Пётр Петрович, к пяти я спущусь.

– Добро, – кивнув, шеф быстро направился к себе.

Я тихонько вздохнула. Вот почему всё наваливается сразу? Жила себе Шурка спокойненько, никого не трогала, как вдруг бац – и вторая смена. Спрашивается – за что? И Вольский ещё этот... Совсем уж непонятная история. Где я, и где этот министерский туз. Нет, после вчерашнего падения всё явно пошло кувырком!

Из моей сумочки послышался требовательный звонок. Ну да, очень кстати, тебя мне только и не хватало! Я выхватила аппарат, даже не взглянув на номер.

– Алло! – резко бросила я.

– Саша, вы забыли у меня свою шпаргалку, – раздался из трубки голос самого лучшего мужчины на свете. О-о-о!

– Андрей Михайлович! – пролепетала я счастливо. – Какая же я растеряха! Клянусь, что я не нарочно!

– Верю вам, – волшебной флейтой прозвучал голос художника. – Но боюсь, что забрать свою тетрадку вы сможете теперь только после моего приезда. Хотя нет, есть ещё один вариант: я могу оставить её на вахте Семёну Семёновичу, и вы...

– Я лучше дождусь вас! – быстро выпалила я.

– Хорошо, Саша, – понимающе усмехнулся он. – Тогда назначаю вам встречу ровно через месяц, и постарайтесь хорошенько выспаться к тому времени!

– Обещаю вам, Андрей Михайлович! – радостно воскликнула я. – Удачного вам полёта и благополучного возвращения!

– Спасибо, Сашенька. До встречи!

– До свидания, – прошептала я и отключилась.

Я остановилась перед закрытой дверью менеджерской. Моё сердце готово было разорваться на кусочки от счастья, а щёки пылали ярким огнём.

– Успокойся, Шурка, успокойся! – прошептала я сама себе.

Нехорошо, если девчонки что-то заподозрят. Устраивать шуры-муры с клиентами у нас не поощрялось негласным корпоративным законом, да и вообще, зачем давать кому-то повод лезть в мою личную жизнь? Я сделала несколько глубоких вдохов, облизала пересохшие губы, погасила улыбку и потянула за дверную ручку.

– О, Сашка, наконец-то! – обрадовались девчонки.

– Ну что, была у Серебрякова? – тут же подскочила ко мне Наташка. – Ну, какой он, расскажи! Правда красавчик?

– Да так, ничего, – равнодушно пожала я плечами и прошла к своему столу. – Не в моём вкусе.

– Ну ты даёшь! – Наташа вытаращила глаза. – Вот гово-

рила же, лучше бы меня на интервью отправили!

– Ладно тебе, Наташ, уже все уши ты нам прожужжала! – одёрнула девушку Марина. – Саш, расскажи, как всё прошло, интересно же! Он тебя по театру водил? Кого-нибудь из артистов ты видела?

– Никуда не водил, только в свою мастерскую. Да что рассказывать, Мариш, интервью как интервью, рассказал мне о своей жизни, почему стал художником, где учился, какую живопись любит... Вот расшифрую запись, тогда всё и почитаете.

– Фу, какая ты скучная, – скривилась Наташа. – Ну а фотки-то хоть покажешь?

– А потише можно? Работать мешаете! – из своего угла недовольным тоном высказалась Галина, ещё одна наша менеджер, грубая и хамовитая особа. Надо отдать ей должное, трудиться она умеет, но при этом сидеть рядом с ней просто невозможно, таких наглых эгоисток ещё поискать нужно. Вчера её на работе не было, Галка почти две недели болела ангиной, и сейчас её голос, и без того не ласковый, был особенно резок.

– Можно подумать, мы отдыхаем! – тут же кинулась в бой Наташка. – И вообще, тебя никто не спрашивает! Молчишь – вот и молчи себе! А то заразу нам тут распылишь, лечись потом...

– Вот именно! – поддакнула Марина. Она пришла в наш коллектив недавно, но уже успела невзлюбить вредную Га-

лину.

– А ты кто такая? – гавкнула на Марину Галя. – Работает тут без году неделю, а уже права качает!

– Ты лучше на себя посмотри! – не осталась в долгу Марина. – Я, может, пока и неопытная, но с людьми общаться умею и клиентам не грублю, как некоторые.

– Что? – подскочила на месте Галка, – да ты...

Ну, понеслись девки. Впрочем, мне это на руку, девчонки переключились на препирательства с Галкой, оставив меня на какое-то время предоставленной самой себе. Я уселась на своё место, включила компьютер, достала из сумки диктофон и в предвкушении улыбнулась. Сейчас услышу голос Серебрякова, а на остальное наплевать. Так, а где мои наушники?

– Наташк, ты мои наушники не брала? – не оборачиваясь, спросила я, тщетно шаря в ящиках стола.

– Их Ксения взяла, – «обрадовала» меня Наташа. – Иди к ней. А тебе зачем?

– Интервью расшифровать.

– А-а-а... Слушай, может, пусть Ксюша сама и расшифрует? Ты же никогда этим не занималась.

– Нет уж, – хмыкнула я. – Сама буду. Когда-то же надо начинать.

– Ну смотри, если тебе нужен лишний геморрой...

Эх, придётся всё-таки идти к Ксеньке. Как ни хотелось оттянуть объяснения с подругой, но беды, как говорится, не

миновать. Спрашивается, зачем ей понадобились мои наушники?

Я нехотя вылезла из-за стола и медленно направилась к двери.

– А, Саш, – вспомнила Марина, – Марь Семённа просила тебя, как придёшь, зайти к ней.

– Зайду, – буркнула я.

– Ты чего такая злая сегодня, Саш? – удивилась Наташка.

– Обыкновенная, – пожалала я плечами.

Зря Мария Семёновна говорила, что нет во мне артистических талантов, вон как я умею прикидываться! Похвалив себя за хорошую игру, я двинулась дальше.

– А, Саш, – Наташка переглянулась с Мариной, – тебя ещё и Софа искала.

– А этой что надо? – грубо спросила я.

– Вот сама у неё и узнай, – загадочно хихикнули девчонки.

– Да ну её! – махнула я рукой.

Я нашу Софу всерьёз не могу воспринимать. У этой девчонки не мозги в голове, а разноцветные хлопушки, какая взорвётся в следующий момент – не знаешь...

Глава 8

Чтобы дойти до наших журналистов, нужно сначала миновать кухоньку, расположенную в отдельной, довольно уютной, нише, свернуть направо, пройти через галерею, в которой я вчера так удачно приложила голову, и выйти в ещё один блок, в котором располагаются комнаты наших верстальщиков и журналистов. Что касается Марии Семёновны, то она обитает на первом этаже, рядом с кабинетом шефа. Я на минуту задумалась. То ли сразу к Ксеньке бежать, то ли спуститься к главному редактору? Пересилила моя врождённая ответственность и уважение к начальству.

Первой, кто встретился мне на первом этаже, оказалась Настюха. Она с задумчивым видом сидела на диванчике в холле, прилёбывала что-то горячее из своей огромной жёлтой кружки и болтала ногой.

– Привет, Насть! – улыбнулась я секретарше. – А ты чего это тут сидишь?

– У шефа важный разговор! – прошептала Настя, кивая на закрытую дверь директорского кабинета.

– А-а-а... – заинтригованно протянула я.

Мне стало жутко любопытно. Зимин вообще был загадочной фигурой для меня. Вот уже год, как я работаю в издательстве, а ещё не поняла, что он за человек. Мне кажется, и никто из наших не мог похвалиться большей осведомлённо-

стью. Даже Настька и Мария Семёновна. Хотя наша редакторша, как правая рука великого и грозного, должна была хоть что-то знать про шефа, но, по-моему, и она пребывает в неведении.

– А кто у него там?

– Вольский!

– Сам? – ещё больше заинтересовалась я. – Как это он снизошёл до нас?

– Сама удивляюсь!

– И давно они заседают?

– Уже час точно, – взглянула на наручные часики Настасья.

– Час? – удивилась я.

Значит, когда шеф просил меня поработать с книгой Вольского, тот уже сидел в его кабинете? Странно, очень странно. Почему меня это удивило, я и сама не могла понять, но было что-то в этом обстоятельстве необычное. Я подошла ближе к двери и прислушалась. Увы, с той стороны не раздавалось ни одного звука.

– Ты чего, Саш? – озадаченно посмотрела на меня Настя.

– Да так, – неопределённо ответила я. – Насть, ты не знаешь, Мария Семёновна у себя?

– Вроде да, – Настя отхлебнула из кружки. – Слушай, Саш, ты же у Серебрякова была, я совсем забыла! Натаха рассказывала, он жуткий красавчик и бабник, она тут вся слюнями изошлась от зависти, что не её на интервью отпра-

вили.

– Обычный дядька, что вы так к нему прицепились? – вспыхнула я.

– А что я такого сказала?

– Да ну тебя! – Я дёрнулась дальше по коридору и чуть ли не с размаху вломила к главному редактору в кабинет. – Марь Семённа, к вам можно?

– Заходи, Александра, – посмотрела она на меня поверх очков. – Прибыла?

– Ага, – я рухнула на стул для посетителей с видом уставшего, но довольного жизнью человека. – Можете меня поздравить, Марь Семённа, я взяла первое в своей жизни интервью!

– Мои поздравления, Саша, – улыбнулась она. – Вид у тебя счастливый, значит, всё прошло хорошо. Как тебе Серебряков?

– Очень интересный человек, – не стала лукавить я. – Я постараюсь к завтрашнему дню расшифровать запись, и вы сами в этом убедитесь.

– Буду ждать, – усмехнулась редакторша. – Ксения сказала, что художник хотел видеть именно тебя. А ты что же, знакома с ним была раньше?

– Нет, – помотала я головой. – Я, честно говоря, сама удивилась его странному заявлению. Возможно, он просто не любит журналистов? Но это же неважно теперь, правда, Марь Семённа? Главное, что интервью теперь у нас в карма-

не!

– Совершенно с тобой согласна, – Мария Семёновна помолчала.

Её серые глаза внимательно смотрели на меня.

«Ну вот, кажется, сейчас начнётся!» – с тоской подумала я.

– Саша, мне нужно обсудить с тобой один очень важный вопрос.

– Слушаю вас, Мария Семёновна, – я выпрямила спину.

– Ты работаешь у нас уже год, – издалека начала она, – и за это время могла убедиться в том, что я, в силу своей должности, отвечаю не только за своевременную сдачу наших журналов в печать. На моих плечах также лежит и поддержание здоровой атмосферы среди наших сотрудников. И ты сама понимаешь, что, работая в сугубо женском коллективе, сделать это не всегда просто.

Я неуверенно кивнула. Что-то мне пока непонятно, куда клонит эта женщина.

– У нас работают разные люди с различными, порой очень своеобразными характерами, с каждым из которых приходится считаться. Да...

Мария Семёновна опять замолчала. Видно было, что тема разговора была для неё не очень удобной. Я сидела тихо, как мышка.

– Ладно, не буду ходить вокруг да около. Вчера в нашем коллективе случилось нечто не совсем обычное. Ты догады-

ваешься, что я говорю о твоих странных словах, заставивших удивиться не только экзальтированных особ вроде нашей Софии, но и меня, практичного и рассудительного человека. И сейчас я бы хотела получить от тебя разумное объяснение произошедшему.

– Я понимаю, – вздохнула я.

А я-то как хотела бы получить это объяснение!

– Ты знаешь, Александра, что ни в какие мистические штуки и глупое ясновидение я не верю, так что прошу тебя найти такие слова, которые в полной мере смогут меня убедить.

Мда, задачка... Я удручающе посмотрела в окно. Ну, расскажу я сейчас правду, и что это изменит? Только добавит ещё больше недоверия и путаницы. Эх, Шурка, и почему ты раньше не продумала свою тактику вместо того, чтобы предаваться дурацким мечтам о красавчике художнике?

– Мария Семёновна, – я перевела взгляд в стальные глаза главного редактора. – Всё дело в том, что... что...

Всё-таки даже таких непутёвых девах, как я, оберегают ангелы! В ту же секунду, когда с моих губ приготовились слететь неосторожные слова, в дверь кабинета кто-то постучался.

– Входите! – громко произнесла Мария Семёновна.

Дверь размашисто распахнулась. На пороге появился мужчина лет тридцати-тридцати пяти, с уверенной улыбкой мачо, яркой красной кепкой, сдвинутой на лоб и закрываю-

щей пол-лица, в потёртых джинсах с большущей дырой на левой коленке и с жёлтым клетчатым рюкзаком на плече. Не парень, а песня.

– Добрый день! Мария Семёновна? – полувопросительно спросил он, не переставая улыбаться.

– Здравствуйте. Да, я Мария Семёновна, – ответила редакторша. – А вы, наверное, Дмитрий?

– Так точно! – оглушительно отрапортовал незнакомец. – Дмитрий Бабочкин, к вашим услугам!

– Очень приятно, – улыбнулась в ответ Мария Семёновна. – Прошу вас, присаживайтесь.

– Спасибо! – скинув с плеча рюкзак и повесив его на спинку стула, парень пружинисто сел.

Мария Семёновна посмотрела на меня.

– Саша, обсудим наши дела попозже, хорошо?

– Конечно, Марь Семённа! – вздохнула я с облегчением и вскочила.

Парень с забавной фамилией поднялся тоже и, сделав шаг ко мне, замер. Лицо у него при этом стало таким глупо-счастливым, что мне стало смешно. Я попыталась обойти этого типа слева, но почувствовала на своей руке железную хватку и в недоумении остановилась. Что это ещё за номер?

– Санька, ты что, не узнала меня? – округлил наглый посетитель глаза.

– Не-е-ет, – попыталась освободить свою руку я. – Мы разве знакомы?

– Ещё как! Это же я, Митя! – он ещё сильнее сжал моё запястье. – Ты что, забыла?!

– Ми-и-итя? – протянула я. – Какой Митя?

– Митя Шапкин! – странный незнакомец рывком стянул с себя кепку. – Ну?

– Шапкин? – в моей голове, наконец, стало проясняться. – Из нашей школы?

– Ну конечно же! – парень изо всех сил потряс мою руку. – Узнала наконец! Я тебя тоже не сразу признал, только когда голос услышал, в голове что-то щёлкнуло, и до меня дошло, что это же Санька Ковалёва!

– Слушай, Мить, давай потом пообщаемся, ладно? – я оглянулась на Марию Семёновну. – У меня работы много.

– Так мы теперь вместе работать будем! – радостно ухнул Митька. – Я же к вам устраиваюсь!

– Кем? – удивилась я.

– Фотографом!

– А-а-а! Хорошие фотографии нам нужны, – кивнула бодро я, ещё раз оглянувшись на нашего редактора.

Глаза её почему-то улыбались.

– Тогда вам повезло, потому что я и есть хороший! – уверенным тоном заявил посетитель.

– Подожди-ка, – ещё одно воспоминание вспыхнуло у меня в голове, – Бабочкин... Бабочкин... Ты, случайно, не тот самый Бабочкин, выставка которого проходила у нас летом? В галерее искусств?

– Случайно тот! – гордо произнёс мой бывший однокашник.

– Вау! – открыла рот я. – Вот это да! Так ты же талант! Марь Семённа, помните, я рассказывала про удивительную фотовыставку? Помните? Так это, оказывается, Митькины работы! А я и не знала...

– Совершенно верно, Саша, – подтвердила Мария Семёновна. – Я ещё тогда, после твоих восторженных отзывов, связалась с автором этих работ, и вот он перед нами!

– Класс! – я даже подпрыгнула от захвативших меня чувств. – Какая вы молодец, Марь Семённа! И ты, Митька, тоже! Я так рада! Пойду девчонкам расскажу! Увидимся, Мить!

И я быстрее ветра выскочила из кабинета под весёлый смешок своей начальницы. Дверь захлопнулась с оглушительным залпом пробки от шампанского. Я бросилась к лестнице.

Ну надо же, Митька Шапкин! И как я могла его не узнать? Я ведь была влюблена в этого симпатягу ещё в восьмом классе! У нас тогда в школе открылась студия фотографии, куда я, как большая любительница куда-нибудь встрять, сразу же записалась. Таких любителей собралось, помню, человек двадцать, и Митька был в их числе. Долго я посещать эти занятия не смогла в силу своей занятости в музыкальной школе, но симпатичного жизнерадостного старшеклассника запомнила. Какое-то время я бегала за ним незаметным хво-

стиком и даже, помню, кругами ходила около его дома, делая вид, что оказалась тут совершенно случайно. А через год Митька окончил школу и уехал поступать то ли в Москву, то ли в Питер. Переживала я тогда страшно. Ксенька, с которой мы в ту пору жили на одной лестничной площадке, знала про тайную мою любовь и утешала, как могла. Впрочем, моих страданий хватило ненадолго. Вскоре я попала в больницу с воспалением лёгких, а когда выписалась оттуда, ни про какого Дмитрия Шапкина уже не помнила, как будто его и не было в моей жизни. Больница вылечила не только моё простуженное тело, но ещё и душу, чему я была очень рада. Правда, я подозреваю, что не только смена обстановки повлияла на моё исцеление, но ещё и синие глаза мальчика, который лежал в соседней палате и с которым мы встречались по вечерам перед телевизором в больничном холле, но факт остаётся фактом – мысли о Шапкине полностью выскользили из моей головы.

А Митька, значит, всё-таки стал фотографом! Надо же... Вот Ксенька удивится, когда узнает о нашем новом сотруднике!

Бегом поднявшись по лестнице, я, не останавливаясь, пролетела мимо менеджерской, миновала кухню, свернула за угол и помчалась вперёд, к комнате журналистов. Навстречу мне приближалась темнота нашей галереи. Я сбавила бег, потом перешла на шаг, а перед самой границей света и тени вовсе остановилась. Я ведь не была здесь со вчерашнего дня,

с тех самых пор, когда мы с Зинаидой, успешно сдав номер и ночной пост, покинули кабинет верстальщиков. Зинка-то потом, конечно, вернулась к себе, а меня мотало по дому в суете наступившего дня, но ни разу больше не заносило в эпицентр ночных событий.

Я глубоко вздохнула. В голове возникла трусливая мысль: может быть, подождать кого-нибудь здесь, так, на всякий случай? Я сделала несколько шагов туда-сюда, задумчиво по-смаатривая на живую темноту. Нет, так не пойдёт. Мне тут ещё работать, не буду же я каждый раз ходить с сопровождением, как маленькая девочка! Я прикоснулась ладошкой к стене. Почувствовав под пальцами живую теплоту Дома, я приободрилась и храбро шагнула вперёд, не отрывая руку от стенки. Галерея приняла меня в себя, окружив странной густой тишиной. Я глубоко вздохнула. Эта тишина, казалось, проникала в меня, впитывалась в кожу, заползала в уши и нос, и через несколько осторожных шагов мне показалось, что я пропала. Я, Шурка Ковалёва, со смешным вздёрнутым кверху носом и очками со сломанной дужкой, вдруг исчезла. Совсем. Это было необъяснимое ощущение, очень тонкое и немного жуткое. Как будто какое-то чужое пространство незаметно зашло в меня и стало мной.

– Я – это я или не я? – незнакомым голосом спросила я. – Если не я, то где я? А если я, то что со мной происходит?

Одно я понимала точно – мне нисколючки не страшно. Совсем. Ни капельки. И то внутри меня, которое я сначала при-

няла за чужое, вдруг сделалось таким родным и своим, что мне стало смешно, как я могла раньше этого бояться? Я накрыла левой ладонью золотого зверя на своей груди. Мне показалось или он на самом деле потёрся об меня горячей щекой?

– Хороший котик, – вслух сказала я и тоже погладила фигурку в ответ. Протяжный вздох, который раздался вслед за моим прикосновением, прозвучал очень отчётливо. Я улыбнулась. И в ту же секунду впереди открылась дверь, впустив в пространство галереи – а значит, и в меня – поток света.

– Шурка, это ты, что ли? – в проёме обрисовался женский силуэт.

Мне понадобилось несколько долгих секунд, чтобы сообразить, кто передо мной. Настолько долгих, что пространство, которое было во мне, сгустилось и вновь стало прежней Шуркой Ковалёвой всё тех же тридцати лет отроду.

– Я, кто же ещё? – сказала я своим обычным голосом и переступила границу двух миров. Дверь за мной с силой захлопнулась, обдав по спине прохладным ветерком. – Привет, Ксень! Здравствуйте, Антонина Юрьевна!

– О, в нашем журналистском полку прибыло! – бодро откликнулась на моё приветствие Антонина Баруздинская, наша старейшая сотрудница, ближайшая подруга Марии Семёновны, классный журналист и добрейшей души женщина с неистощимым чувством юмора.

Если я когда и хотела быть на кого-то похожей, то имен-

но на неё, нашу Тонкую Тоню, как называли её в нашем коллективе.

– Вам уже поведали о моих похождениях по подмосткам, Антонина Юрьевна? – спросила я, забравшись с ногами на своё любимое место в этой комнате – на подоконник.

– Только о первых ваших шагах, Саша, – усмехнулась Тоня. – А если быть точнее, о первых звонках, после которых, собственно, и начинается самое главное представление. И как постановка, удалась?

– Вполне, – заверила я. – Все роли разыграны, как по нотам, чему есть свидетельство в виде красивого баритона и цветных фотоснимков. Как заказывали, Антонина Юрьевна.

– Тебе помочь с расшифровкой, Шурка? – деловито встряла Ксенька.

– Я сама попробую, Сень, ладно?

– Смотри, а то у меня сейчас есть время.

– Я думаю, Александра вполне справится и без нашей помощи, – улыбнулась Антонина. – С её-то слухом перевести голос в буквы – раз плюнуть.

– Не буду спорить, – хмыкнула я. – Сень, я чего пришла-то. Наташка сказала, ты мои наушники утащила.

– Да-да, они у меня, – Ксюша отодвинула верхний ящик своего стола и выудила оттуда чёрные проводки. – Забирай, подруга.

– Спасибо, – я запихнула наушники в карман юбки и спрыгнула с подоконника. – Тогда я пойду. Работы до фига и

больше, а ещё меня шеф попросил помочь с текстом и фотками для Вольского.

– С фотками? – Тоня с Ксюшей удивлённо переглянулись. – А почему именно тебя? Разве ты разбираешься в фотоделе?

– Кстати, о фотоделе! – ударила я себя по лбу и вновь залезла на подоконник. – Ты знаешь, Ксенька, кто у нас теперь будет работать?

– Кто?

– Ну, подумай, подумай сама. Человек, который очень хорошо разбирается в этом самом фотоделе.

– Да откуда я знаю, Шурка?

– Вспомни, подружка, как я вам всем уши прожужжала про одного фотографа с выставки.

– А, тот самый? Как же его... Птичкин?

– Бабочкин! – я очень изящно помахала руками в воздухе. – Но это ещё не все сюрпризы! Ты знаешь, кто скрывается под этой оперившейся личинкой?

– Да говори уже, Шурка, не тяни!

– Митька Шапкин, собственной персоной! – громовым голосом закончила я.

– Да ладно! – опешила моя подружка. – Ты уверена?

– Ещё как! Я видела его десять минут назад, как вижу тебя сейчас, и он пришёл как раз устраиваться к нам на работу. Фотографом. Вот.

– Ну и дела-а-а, – протянула Ксенька. – А он тебя узнал?

– По голосу, – хмыкнула я.

– А ты его?

– А я его совсем не узнала. Прикинь, ни одного подозрения не возникло.

– Да-а-а... Ну и новость!

– А кто такой этот Шапкин-Бабочкин, барышни? – заинтересовалась Антонина.

– Вы как раз тогда в отпуске были, Антонина Юрьевна, – вспомнила Ксенька, – когда наша Шуручка ходила на выставку, откуда прибежала с совершенно безумными глазами. Я, сказала она, таких пронзительных фотографий ещё никогда не видывала.

– Чем же они вас пронзили, Саша?

– Словами это трудно передать, Антонина Юрьевна. Они все были чёрно-белые и такие острые, что этим своим остриём вонзались в самую душу. Нет, не могу объяснить. Но думаю, теперь мы все сможем их оценить, раз Митька будет работать тут, в «Симфонии».

– Что ж, интересно, интересно, – улыбнулась Антонина. – Люблю, знаете ли, качественное искусство.

– Знаем! – в один голос воскликнули мы с Ксенькой.

Наша Антонина Юрьевна, помимо своей непосредственной профессии журналиста, обладала ещё и тонким чувством стиля и вкуса, что отражалось не только в её постоянных посещениях театров, выставок и концертов, но и в умении надевать на себя такие штуки, которые на других смот-

релись бы слишком эксцентрично, но на нашей Тонкой Тоне – изящно и оригинально. К слову сказать, Антонина Юрьевна, к своим пятидесяти с хвостиком, обладала великолепной фигуркой гимназистки, и это при том, что у неё было трое взрослых детей! Хотела бы я иметь такие данные, уж тогда никакой, даже самый гениальный, художник не прошёл бы мимо моей красоты!

– Ладно, девушки, я пойду, – я опять спрыгнула с подоконника. – Шеф велел к завтрашнему дню управиться с текстом, а я ещё даже не приступала.

– Подождите, Саша, я с вами, мне к Маше нужно спуститься, – остановила меня Антонина. – Момент, только сигареты захвачу.

– Жду, – коротко ответила я, немного огорчившись такой просьбе.

Мне хотелось ещё раз пройти через необычные ощущения, которые я испытала несколько минут назад, но ничего не поделаешь. Ладно, успею ещё, мысленно махнула я рукой.

Глава 9

– ...Андрей Михайлович, а сколько времени требуется для создания декораций к одному спектаклю?

– Это зависит от множества факторов, Саша. Приведу вам один пример. Несколько лет назад мы ставили спектакль по пьесе одного американского драматурга «Осенняя легенда». По режиссёрской задумке требовалось воспроизвести на сцене густой осенний лес, который к концу постановки должен был превратиться в зимний – то есть лишиться всех своих листьев. Причём происходить это должно было так незаметно и постепенно, чтобы не исчезла естественность этого процесса. Нам пришлось тогда немало потрудиться! На создание конструкций только этих чудо-деревьев ушло ни много ни мало полгода, но ведь помимо леса, нужно было ещё и...

Кто-то осторожно похлопал меня по плечу. Я вздрогнула. Остановив запись, я повернула голову. Митька! Тебя мне только сейчас не хватало, голубчик! Я вытащила из ушей кругляши наушников и мило улыбнулась.

– Ты что-то сказал, Митя?

– Пойдём покурим, Санёк? Я не знаю, где у вас тут можно дымить...

– Пойдём, Мить, только я не курю.

– Молодец, подруга! А я вот никак не брошу, – развёл

он руками и с улыбкой огляделся по сторонам. – Извините, девушки, я не представился. Дмитрий Бабочкин, фотограф, буду теперь с вами работать.

– Марина, – улыбнулась Маринка.

– А меня зовут Наталья, – Наташка, сделав стойку на потенциального воздыхателя, изящно помахала тонкими маникюренными пальцами.

Я хмыкнула про себя. Митька перевёл взгляд на Галку. Та даже не повернулась.

– А вас как величают, о прекрасная незнакомка в углу?

Из угла донеслось что-то невнятное.

– Извините, что побеспокоил, – вежливо поклонился Шапкин и с усмешкой посмотрел на меня.

Я пожала плечами.

– Ладно, пойдём, Мить, – встала я и потянула парня за рукав.

Тот беспрекословно пошёл за мной. Надо же, какое доверие!

Улица обрадовала нас тёплым солнцем и нагретым постаментом, на который я тут же и взобралась. Митя сел рядом и достал из кармана сигаретную пачку. Напротив нас, на другой стороне улицы, за невысокой деревянной изгородью шумели деревья. Красно-жёлтые листья ярко светились на солнце. «Как на деревьях у Серебрякова», – отрешённо подумала я.

– О чем ты задумалась, Сань? – Митька пустил лёгкий

дымок вверх и посмотрел на меня.

– Да так, – неопределённо ответила я. – О жизни.

– Да, жизнь такая штука, которая заставляет порой диву даваться...

Ещё одно туманное колечко поплыло в небо.

– Это ты о чем, Мить? – лениво спросила я.

– О нас с тобой. Мог ли я подумать пятнадцать лет назад, что не увижу тебя так долго? Нет, не мог. А думал ли я ещё сегодня утром, что наша встреча произойдёт, да ещё при таких обстоятельствах? Даже мечтать не мог.

– Было б о чём мечтать, – хмыкнула я. – Увидеть давнюю знакомую, постаревшую и ещё больше расплывшуюся – велика награда за пятнадцать лет!

– Вот как была ты тетёхой, Ковалёва, так и осталась, – сплюнул на землю Митька.

– А я что говорю! Тетёха – она и есть тетёха, – ничуть не обиделась я.

Я и сама себя таковой считала. Толстая неповоротливая баба – это я и есть.

– Глупенькая ты, – поддел меня плечом Митька. – Я же совсем в другом смысле! Ты ведь нравилась мне в школе, разве ты этого не замечала?

– Я нравилась? – повернулась я к нему всем корпусом. – Ты что, обалдел? Да это ты мне нравился, если хочешь знать! Да что там нравился, я же страдала по-настоящему!

– Не выдумывай, Санька, – с сомнением в голосе сказал

Митя. – Я ничего такого не замечал. Это я на тебя запал, когда разглядел в свете софитов.

– Каких ещё софитов, Шапкин?

– Помнишь, мы делали постановочное фото в актовом зале? Приволокли откуда-то настоящие профессиональные софиты, соорудили подиум для смельчаков, и первой на этот подиум посадили тебя. Накрыли какой-то красной тканью, направили свет с разных сторон и щёлкали до умопомрачения. Тогда-то я и разглядел, какая же ты красивая, Ковалёва.

– Это ты просто на красную тряпку среагировал, – пробурчала я. – Нормальный инстинкт молодого бычка.

– Дурёха, – ласково сказал Митя.

– Ещё какая! – подхватила я.

Мы замолчали. Прозрачные колечки стайкой потянулись ввысь. Полетели на юг, наверное. Тоже инстинкт природы.

– Всё равно бы у нас тогда ничего не вышло, – сказала я.

– Почему это? – удивился он.

– Опомнись, Митя! Мне было пятнадцать лет!

– Ну и что? Раньше вон рожали в двенадцать, и ничего.

– А потом ты вообще уехал, так что нечего теперь и говорить об этом.

– Ты первая начала, – поддел меня Митька. – А знаешь, Сань, я даже рад, что между нами тогда так ничего и не случилось.

– Почему?

– Потому что! – хмыкнул он. – У нас с тобой не осталось

плохих воспоминаний и неправильных шаблонов поведения тоже не выработалось.

– Ну и что?

– А то, Ковалёва! В новые отношения мы войдём с тобой с чистыми руками и незапятнанными мыслями.

– Какие новые отношения, ты что, Шапкин! – рассмеялась я. – Ладно, идём домой, а то я замерзать стала.

– Домой? – ухмыльнулся он. – Оговорочка по Фрейду, милая?

– Да ну тебя! – смутилась я. – Так, окурки тут не бросай, Дом этого не любит.

– Ну раз дом не любит... – Митька послушно поднял брошенный бычок и отнёс его к урне, которая стояла у порога. – Идём, Санька. Сильно замёрзла?

– Немного, – я поднялась по ступенькам. – Ничего, сейчас чай выпью и согреюсь. Ты вообще надолго к нам, Митька?

– Пока твоё сердце не завоюю, Ковалёва, – с усмешкой сказал он.

– Значит, навсегда, – в тон ему ответила я, открыла дверь и нос к носу столкнулась с Зиминим.

Лицо его было мрачнее тучи. «Опять что-то случилось?» – мимоходом подумала я. Впрочем, мгновение спустя брови Петра Петровича вернулись на своё привычное место. Он перевёл взгляд на Митю.

– Дмитрий, прошу вас, зайдите ко мне на минутку, – шеф взглянул на часы. – А вы, Александра, не забыли о нашей

встрече?

– Конечно помню, Пётр Петрович. Буду как штык!

Я тоже посмотрела на высокие старинные часы, которые стояли у нас в холле. Ого, до пяти осталось всего полчаса!

– Ладно, Мить, я побегу работать.

– Давай, Санька! – Митька скользнул губами по моей щеке и направился вслед за шефом.

Я кинулась к лестнице.

Глава 10

– Насть, а ты куда? – удивилась я.

Я еле успела отскочить в сторону от секретарши, которая вылетала из директорской двери именно в тот момент, когда я собиралась её открыть.

– ПэПэ отправил по делам, – Настька, пыхтя, тащила под мышкой какие-то толстые папки. – Иди, иди, он тебя уже ждёт.

Она выскочила из офиса, оглушительно хлопнув дверью. Сверху отвалился кусок штукатурки и упал на коврик у порога. Дом жалобно вздохнул. Я поморщилась. Неужели нельзя было придержать дверь? Я задрала голову наверх. Да, нам бы тут ремонт сделать, вон какие трещины на потолке! Господину Лебедеву, наверное, в самом страшном сне не могло привидеться, во что превратят его дом сумасшедшие издатели. Впрочем, я думаю, не только мы приложили руку к этому процессу, но и все, кто арендовал это здание до нас. Интересно, кто работал тут раньше? Удивительно, но мне ни разу раньше не приходила в голову мысль узнать об истории этого дома. Надо будет покопаться в интернете, а ещё лучше – сходить в городскую библиотеку, вот уж где точно будут все данные. Да, так и сделаю! И, укрепившись в этой мысли, я решительно открыла дверь кабинета.

– Можно, Пётр Петрович?

– Заходите, Александра, – Зимин, не оборачиваясь ко мне, стоял перед книжными полками и что-то усердно там искал. – Одну минутку, извините.

– Да-да, конечно, – я, чуть помедлив, скромно уселась на стул для посетителей. На столе передо мной веером были разложены какие-то фотографии. Я вытянула шею. Так-так, а это что такое? Я неслышно подтянула к себе одну. Ну вот, как говорит наша Софа, чистый фен-шуй. Не успел о чём-то подумать, как оно тут же и появляется. Передо мной лежало черно-белое изображение нашего дома. Наверное, оттиск со старой фотографии, решила я. Интересный ракурс нашёл фотограф, необычный. А вот этого окна тут уже нет... Я взяла в руки карточку и стала внимательно рассматривать детали. А это что за вензель под крышей? Что-то я его раньше не видела. И маленького прелестного балкончика сбоку сейчас уже нет. Вот вандалы, как можно было разрушить такую красоту? Это же все равно что... живое существо руки лишить!

– И каково ваше мнение, Александра? – я и не услышала, как Зимин приблизился ко мне.

– Сколько лет этим снимкам, Пётр Петрович? – ответила я вопросом на вопрос.

– А почему вы спрашиваете?

– Раньше дом был другим. Не понимаю, зачем с ним так поступили? – я погладила карточку рукой.

– Этот вопрос нужно задать Родиону Сигизмундовичу,

фотографии взяты из его семейного архива.

– Семейного архива? – несказанно удивилась я. – Семья Вольских была как-то связана с этим домом?

– Ваша проницательность делает вам честь, Александра. Кажется, мои слова огорошили шефа, только я не поняла, почему.

– Кстати, Пётр Петрович, а давно не производился тут ремонт, не знаете? – выпалила я.

Зимин поднял брови.

– Я, наверное, не в своё дело лезу, – горячо продолжила я, – но ведь мы можем хотя бы изнутри что-то сделать? Потолки привести в порядок, щели заделать, стены отреставрировать... Вы видели, Пётр Петрович, в нашей комнате лепнина на печке почти полностью обсыпалась, и изразцы, старинные, между прочим, трещинками покрылись. Жалко так, они же такие красивые!

– Я подумаю над вашими словами, Александра, – густые брови опустились на прежнее место, но между ними появилась небольшая морщинка. Хм, раньше я не замечала, какое подвижное у нашего шефа лицо. – А теперь вы позволите мне перейти к сути нашего вопроса?

– Да, конечно, извините, Пётр Петрович, – смутилась я. Спина моя тут же напряглась.

– Родион Сигизмундович, как вы уже знаете, будет печатать свою книгу в нашем издательстве. Поскольку я не хочу отвлекать дизайнеров от основной работы, в помощь авто-

ру я предложил вашу кандидатуру, на что Вольский дал безоговорочное своё согласие. Нам нужна ваша помощь в корректуре книги, а также нужно будет разобраться с фотографиями. Вы же владеете графическими редакторами, Александра?

– Немного, Пётр Петрович. Я пока начинающий пользователь...

Что ещё он выдумал? Какой из меня ретушёр?

– Этого вполне достаточно, – Зимин блеснул глазами. – Тогда договорились.

– Конечно, Пётр Петрович. Когда вы мне дадите текст?

– Правда, есть одно маленькое неудобство, которое, я уверен, никак не повлияет на ваш боевой настрой, Александра, – словно не слыша мой вопрос, продолжил шеф. – Вам нужно будет работать за этим компьютером.

Он указал подбородком на соседний стол, стоящий в глубине кабинета. Его поставили тут совсем недавно, помню, Настька сильно удивлялась, зачем шефу в комнате второй компьютер, если и своим он не очень-то часто пользуется. Теперь я понимаю, зачем.

– В вашем кабинете? – мне стало не по себе.

– Да. Вы будете сидеть именно здесь, Александра. Не переживайте, это ненадолго. Только на время работы с книгой.

Ни фиги себе, вот это поворот!

– Целый день? – голос мой дрогнул.

– Зачем такие жертвы, Александра! – кажется, шеф умеет

шутить. – Думаю, трёх часов в день будет вполне достаточно – скажем, с трёх до шести вечера.

Три часа!! Три часа сидеть перед глазами у этого мрачного типа! Да я же кучу ошибок наделаю с перепугу! Под мышками у меня, как и всегда в нервные моменты, взмокло, нос вспотел, и очки предательски поплыли вниз. Да-а-а, перспективка вырисовывается не радужная, я бы даже сказала, довольно облачная, с переменным ветром и осадками в виде града!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.